

РОМАН ПЕРЕВЕДЕН БОЛЕЕ ЧЕМ НА 40 ЯЗЫКОВ МИРА

ДЖЕЙМС
РОЛЛИНС

Венец демона

Отряд «Сигма»

Джеймс Роллинс

Венец демона

«ЭКСМО»

2017

УДК 821.111-312.4(73)
ББК 84(7Ñîâ)-44

Роллинс Д.

Венец демона / Д. Роллинс — «Эксмо», 2017 — (Отряд
«Сигма»)

ISBN 978-5-04-092780-7

Оно обитает на далеком острове, где-то в океане. Оно древнее, как сама Земля. Оно уничтожило все вокруг себя – и бешено рвется в широкий мир. Оно – вселенское зло, уготовившее для людей мучительную, адскую гибель. Этот демон никогда не насытится – и никогда не остановится. Если его не остановить...

УДК 821.111-312.4(73)
ББК 84(7Ñîâ)-44

ISBN 978-5-04-092780-7

© Роллинс Д., 2017
© Эксмо, 2017

Содержание

Слова благодарности	6
Замечания исторического характера	8
Замечания научного характера	10
Пролог	12
Часть первая	23
Глава 1	24
Глава 2	30
Глава 3	34
Глава 4	43
Глава 5	46
Глава 6	49
Глава 7	56
Глава 8	61
Глава 9	65
Часть вторая	70
Глава 10	71
Конец ознакомительного фрагмента.	77

Джеймс Роллинс

Венец демона

© Царева О., Стрепетова М., перевод с английского, 2018

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство Э», 2018

* * *

*Маме Кэрл, всю жизнь дарившей окружающим бескорыстную
любовь.*

Слова благодарности

В создании этой книги приняли участие множество людей. Большинство из них принадлежат к близкому кругу критиков, которые помогают мне с тех самых пор, как я начал писать. Я тогда был практикующим ветеринаром, а в свободное время сочинял рассказы, которые сейчас надежно зарыты на заднем дворе. Итак, прежде всего я благодарю своих ближайших друзей-читателей – и в то же время первых редакторов. Это Салли Анн Барнс, Крис Кроу, Ли Гаррет, Джейн О’Рива, Денни Грейсон, Леонард Литтл, Джуди Прей, Каролина Уильямс, Кристиан Райли, Тод Тодд и Эми Роджерс. А еще я, как всегда, хочу выразить особую благодарность Стиву Прею (за потрясающие карты), Дэвиду Сильвиану (он помогает не витать в облаках и в то же время вдохновляет на покорение новых вершин), Чери Маккартер (за множество интересных исторических и научных фактов, которые я использовал в этой книге), Хироаки Эндо (за помощь с переводами с японского – но все ошибки я беру на себя), Полине Шилькевич (за то, что разрешила воспользоваться картой ее отца) и Монике Щепе (за то, что познакомила нас). С сожалением приближаясь к концу этого списка, благодарю Стива Берри за исторические материалы, относящиеся к Смитсоновскому институту: по случайному совпадению, мы оба пишем об этом потрясающем месте. Конечно же, я очень благодарен команде издательства «Харпер Коллинз» за постоянную поддержку. Особенно мне помогали Майкл Моррисон, Лиат Штехлик, Даниэлла Бартлет, Кейтлин Харри, Джош Марвелл, Линн Грейди, Ричард Акван, Том Эйнер, Шон Николс и Ана Мария Аллесси. И наконец, моя особая благодарность людям, которые непосредственно участвовали в создании этой книги: моему замечательному редактору Лиссе Койч (мы работаем вместе с первой моей книги) и ее неутомимой коллеге Приянке Кришнан, моим трудолюбивым агентам Рассу Галену и Дэнни Барору (а также его дочери Хизер Барор).

Как всегда, официально заявляю, что за все фактические ошибки в этом романе (надеюсь, их не очень много) ответственность несу только я.

Замечания исторического характера

Штаб отряда «Сигма» расположен в глубоком подземелье под главным зданием Смитсоновского института, то есть под замком с башнями, который возвели из красного камня в 1848 году на краю Национальной аллеи. Из этого почтенного здания берет свое начало огромный комплекс музеев, исследовательских центров и лабораторий. А в давние времена, в годы Гражданской войны, все коллекции Смитсоновского института хранились в одной-единственной постройке.

С чего же на самом деле началась величественная история о щедром пожертвовании в пользу науки?

Как ни странно, основатель Смитсоновского института был не американцем, а англичанином – эксцентричным химиком и минералогом Джеймсом Смитсоном. Он скончался в 1829 году, завещав Соединенным Штатам полмиллиона долларов (это примерно двенадцать миллионов по сегодняшним меркам, или шестьдесят шестая часть тогдашнего бюджета США), чтобы «основать учреждение, призванное умножать и распространять знания среди людей».

Личность этого человека до сих пор окутана тайной. Начать с того, что Джеймс Смитсон никогда не был в Америке – и все же завещал молодому государству свое состояние и внушительную коллекцию минералов. К тому же он даже ни разу не обмолвился о намерении проявить такую щедрость по отношению к Соединенным Штатам. Странно и то, что племянник похоронил его в итальянском городе Генуе, а не в Англии. О Смитсоне вообще мало что известно, в частности потому, что под конец Гражданской войны, в 1865 году, здание Замка охватил страшный пожар. Нижние этажи пострадали сравнительно мало – разве что от воды во время тушения, – а вот верхние сгорели дотла вместе со всеми бумагами Смитсона (в том числе дневниками и полевыми заметками). Работа длиной в жизнь вмиг погибла для истории.

После смерти Смитсона окружавшие его загадки непрестанно множились. Зимой 1903 года знаменитый американский изобретатель Александр Грэхем Белл вопреки ясно выраженной воле попечителей Смитсоновского института отправился в Геную и вскрыл могилу Смит-

сона. Останки ученого он сложил в цинковый гроб, вернулся в США и похоронил в Замке. Там они остаются и по сей день.

Почему же создатель телефона бросил вызов своим товарищам по совету попечителей и вознамерился перезахоронить Смитсона? Мнение большинства сводится к тому, что могила оказалась под угрозой: ее мог уничтожить расположенный рядом с кладбищем карьер. Но что если история эксцентричного Джеймса Смитсона скрывала некую тайну? Сначала он ни с того ни с сего завещал свои деньги Соединенным Штатам. Затем пожар, в котором сгорели все его документы. И наконец, странная поездка Александра Грэхема Белла...

Если хотите узнать ужасную правду о темной тайне Америки, читайте дальше.

Замечания научного характера

Palaeovespa florissantia, бумажная оса, жившая 34 миллиона лет назад. Изображение: National Park Service

Какое животное наиболее опасно для людей? Давайте посмотрим. Акулы убивают примерно шесть человек в год. На счету львов – около двадцати двух погибших. А нападения слонов забирают ежегодно пятьсот человеческих жизней – кто бы мог подумать! Змеи убивают вдвое больше людей: около тысячи в год. Конечно, мы сами в разы превосходим всех зверей, уничтожая по четыреста тысяч себе подобных ежегодно. Однако истинный убийца намного миниатюрнее и опаснее. Это ничтожный комар. Вот лишь несколько переносимых им болезней: малярия, желтая лихорадка, энцефалит Западного Нила, а теперь еще и вирус Зика. Одни лишь эти крылатые кровопийцы (не говоря о других насекомых) забирают более миллиона жизней в год. Последствия комариных укусов – главная причина смерти детей младше пяти лет.

Другие крошечные создания не желают уступать комарам статус главных палачей. Муха цеце убивает десять тысяч человек в год. *Reduviidae*, или клопы-хищницы (какое меткое название!), могут похвастаться чуть более впечатляющими достижениями: двенадцать тысяч убитых в год. В общем, каждая шестидесятая смерть вызвана тем или иным насекомым.

Какое значение имеют все эти сведения? Они предостерегают нас, напоминая о том, что мы живем не в человеческую эпоху, а в эпоху насекомых, длящуюся более 400 миллионов лет. Люди обитают на планете Земля каких-то несчастных 300 000 лет, а насекомые существовали за целую вечность до динозавров. Они размножились и расширили ареол обитания, заполняя все ниши. Существует предположение, что насекомые сыграли важную (если не главную) роль в вымирании динозавров. Как возникла эта гипотеза? Результаты недавних раскопок свиде-

тельствуют о том, что крошечные хищники атаковали неуклюжих ящеров, ослабленных климатическими изменениями конца мелового периода, и сделали их намного более уязвимыми для нападений и болезней. В тот решающий доисторический момент насекомые воспользовались новой возможностью раз и навсегда оттеснить конкурентов, способных посягнуть на новые травы и цветы. Так они положили конец эпохе динозавров.

Неизбежно возникает вопрос о судьбе следующего соперника насекомых, ведь ресурсов на планете становится все меньше. *А вдруг их следующая жертва – мы?*

Я никак не могу поверить, что всемогущий и милосердный Бог преднамеренно создал Ichneumonidae [паразитическая оса], дабы она добывала себе пропитание, заживо поедая изнутри тело гусеницы...
Из письма Чарльза Дарвина ботанику Эйсу Грею от 22 мая 1860 года

Их просто не понимают.
Дж. Роулинг «Гарри Поттер и кубок огня»

Пролог

31 декабря 1903 года, 11 часов 07 минут по средневропейскому времени

Генуя, Италия

Из замеченной снегом Генуи лихо выехал экипаж. На крутом повороте узкой улочки экипаж нещадно трянуло.

Александр Грэхем Белл застонал. Он простудился во время трансатлантического плавания и еще не совсем выздоровел. К тому же, с тех пор как они с женой две недели назад прибыли в Италию, все шло не очень гладко. Местные власти на каждом шагу препятствовали его плану завладеть останками Джеймса Смитсона, основателя одноименного института, и осуществить своего рода разграбление могилы. Беллу приходилось играть роль шпиона и одновременно дипломата, раздавая направо и налево взятки и лживые заверения. Ему было далеко за пятьдесят, а с этими играми лучше справился бы кто-то помоложе. Напряжение давало о себе знать.

– Алек, давай скажем, чтобы кучер ехал помедленнее, – вцепилась в него жена.

Он похлопал ее по руке.

– Нет, Мейбл. Погода вот-вот переменится, да и французы наступают на пятки. Другого шанса не будет.

Три дня назад, когда удалось собрать наконец все необходимые бумаги, объявились какие-то французы – дальние родственники Смитсона – и тоже начали претендовать на его останки, понятия не имея, что на самом деле поставлено на карту. Пытаясь обойти неожиданное препятствие, Белл доказывал итальянским властям, что, завещав Соединенным Штатам все имущество, Смитсон, несомненно, подразумевал и свое тело. В поддержку данной точки зрения Белл пачками раздавал лиры нужным людям, а кроме того, утверждал – безапелляционно и лживо, – что эту поездку благословил сам Теодор Рузвельт.

Авантюра удалась, но вряд ли эта маленькая победа останется за ним надолго.

Другого шанса действительно не будет.

Он коснулся нагрудного кармана, где лежал свернутый клочок бумаги с обгоревшими краями.

Мейбл заметила его жест.

– Думаешь, оно еще там? В могиле, рядом с телом?

– Судя по всему, да. Кто-то едва не уничтожил эту тайну полвека назад. Нельзя допустить, чтобы итальянцы довершили дело.

В 1829 году племянник похоронил Джеймса Смитсона в Генуе, на маленьком кладбище над морем. В то время холм с кладбищем принадлежал англичанам, но на участок у подножия претендовали итальянцы. Уже несколько лет в холм медленно вгрызалась каменоломня, а сейчас компания хотела и вовсе сровнять его с землей вместе с кладбищем.

Могиле Смитсона угрожала опасность. Перед попечительским советом музея встал вопрос, спасти ли останки, пока их не унесло в море. Именно в ту пору к Александру попало одно старое письмо. Его написал Джозеф Генри, первый секретарь Смитсоновского института,

человек, который наблюдал за постройкой замка (главного здания музея) и в конце концов умер в его стенах.

– Генри понимал, что делает, – пробормотал Белл, поглаживая пышную бороду.

– Да, ты восхищался им и ценил его дружбу, – успокаивающе промолвила Мейбл.

Белл кивнул.

Достаточно, чтобы последовать его указаниям и приехать на итальянское кладбище.

За год до смерти Генри написал письмо, в котором рассказал историю, восходящую к эпохе Гражданской войны, когда наступил перелом в пользу Севера. В одном из старых дневников Смитсона Генри попала странная запись. Вообще-то он искал дополнительные сведения о завещании Смитсона, пытаясь выяснить, почему ученый проявил такую щедрость по отношению к стране, с которой его совершенно ничего не связывало. И нашел единственное исключение из завещания – кое-что, *не* переданное Соединенным Штатам. Коллекция минералов Смитсона – дело всей его жизни – хранилась в замке музейного комплекса, но один предмет туда не попал. Смитсон распорядился, чтобы племянник похоронил вместе с его телом *нечто*.

Генри заинтересовался этим настолько, что внимательно перечитал дневники благотворителя. И в конце концов понял, что речь шла о так называемом *Венце демона*. В дневнике Смитсон писал, что обнаружил его в соляной шахте неподалеку от Балтийского моря. Он сожалел о своей находке и утверждал, что он может оказаться ключом к чему-то страшному.

– «...впустить в мир исчадия ада», – прошептал Александр, цитируя дневник Смитсона.

– Ты правда в это веришь? – спросила Мейбл.

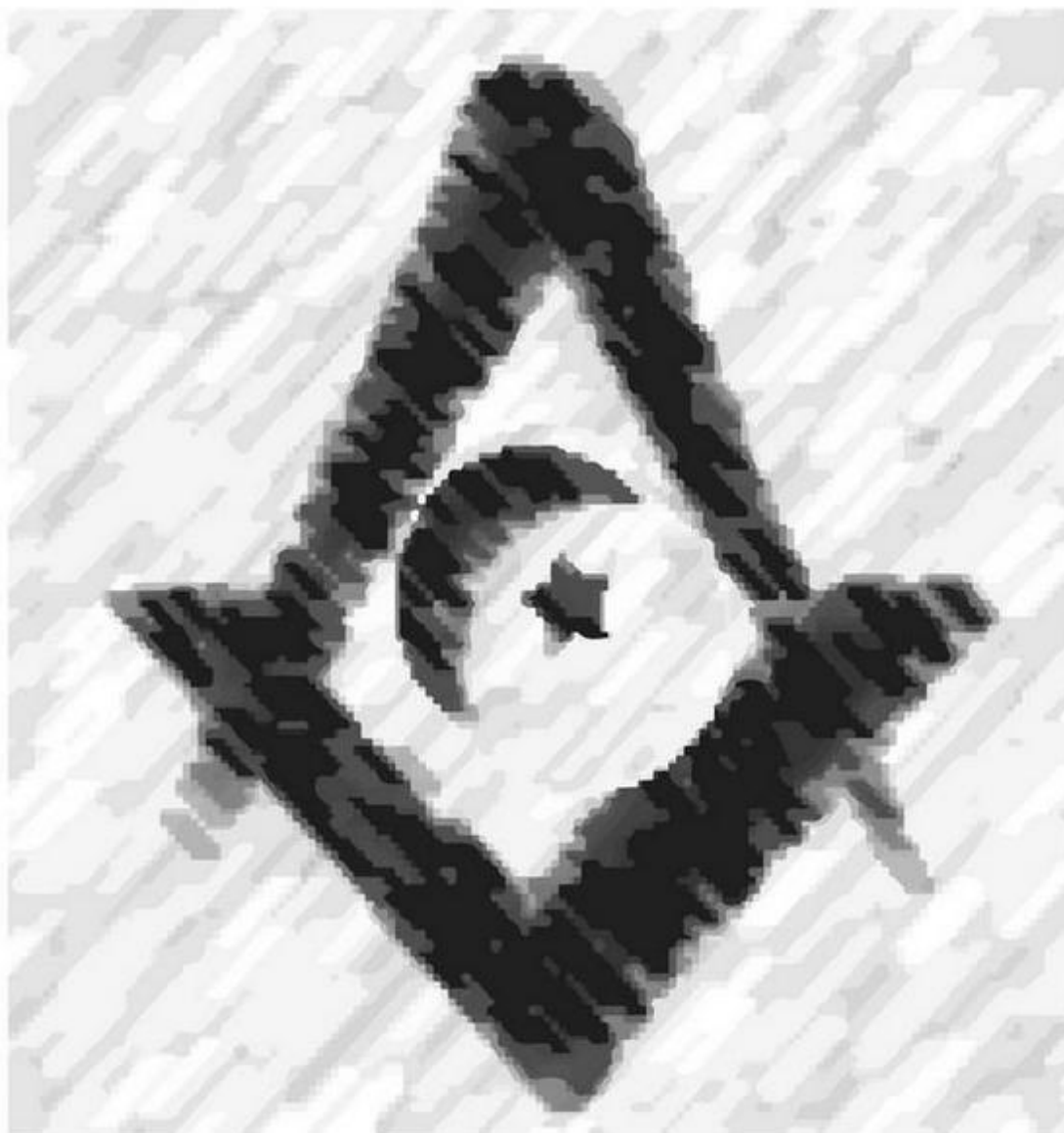
– Кто-то поверил до такой степени, что во время Гражданской войны пытался дотла сжечь музей.

По крайней мере, так думал Генри.

Узнав тайну Смитсона, Генри начал обсуждать ее с другими членами попечительского совета. Он даже размышлял вслух о том, что этот артефакт можно использовать в качестве оружия. А спустя три дня в замке случился пожар – похоже, хотели сжечь отдел, где хранились документы Смитсона и его коллекция минералов.

Генри заподозрил, что кто-то из коллег передает информацию конфедератам. К счастью, дневник Смитсона с непосредственным упоминанием артефакта находился в кабинете Генри, поэтому записи не очень пострадали от огня – сгорела лишь обложка. О своих подозрениях и факте спасения дневника Генри сообщил лишь нескольким проверенным единомышленникам. В последующие годы им открылись самые страшные тайны музея. Часто информацию утаивали даже от президента.

Взять, к примеру, загадочную татуировку на запястье мерзавца, виновного в поджоге. Допросить его не успели – он перерезал себе горло. В письме Генри сделал набросок, чтобы предостеречь будущие поколения.

Символ походил на масонский – и больше ничего о нем выяснить не удалось. Спустя несколько десятилетий, когда возникла угроза для могилы Смитсона, собранные Генри люди обратились к Александру Беллу, понимая, что провернуть в Италии сомнительный план в состоянии лишь очень известный и уважаемый человек.

Александр не знал, какая находка ждет его в могиле Смитсона, но согласился участвовать и даже вложил в поездку собственные деньги. Он просто не мог отказаться.

Я должен сделать это ради Генри.

Подпрыгнув на ухабе, экипаж повернул еще раз и выехал на вершину холма. Отсюда открывался вид на Геную и бухту, набитую груженными углем баржами; те стояли так тесно, что казалось, можно перебраться через бухту, прыгая с одной на другую. А рядом раскинулось кладбище, белые стены которого были утыканы сверху битым стеклом.

– Мы опоздали? – спросила Мейбл.

Белл тоже встревожился – часть кладбища уже поглотил мраморный карьер. Выйдя из экипажа на пронизывающий ветер, он заметил внизу разбросанные гробы и содрогнулся, но не от холода.

– Поспешим, – сказал Белл.

Кучка людей в теплых пальто, несколько мелких чиновников и трое рабочих собрались возле массивной гробницы с оградой из металлических прутьев. Александр ускорил шаг, сгибаясь от ветра и поддерживая жену.

Он приветствовал кивком Вильяма Бишопа, американского консула.

– Надо управиться поскорее, – сказал тот, постукивая пальцем по часам. – Я слышал, французский нотариус уже едет сюда из Парижа.

– Да, чем раньше поднимем на борт «Принцессы Ирены» останки нашего уважаемого коллеги и отправимся обратно в Америку, тем лучше.

Пошел снег.

Лаконичная надпись на сером мраморном постаменте гласила:

*Здесь
покоится
Джеймс Смитстон,
эсквайр,
член Лондонского
королевского общества,
скончавшийся в Тенуе
26 июня 1829 года
в возрасте 75 лет*

Бишоп перекинулся несколькими словами с одним из итальянских чиновников; двое рабочих начали ломami поднимать крышку гробницы, третий готовил цинковый гроб: кости предстояло положить туда и запечатать для плавания через Атлантический океан.

Тем временем Александр снова посмотрел на постамент и нахмурился.

– Странно...

– Что именно? – переспросила Мейбл.

– Здесь сказано, что Смитсон умер в возрасте семидесяти пяти лет.

– И что?

Он покачал головой.

– Смитсон родился пятого июня тысяча семьсот шестьдесят пятого года. Когда он умер, ему было всего шестьдесят четыре года. Автор надписи ошибся на одиннадцать лет.

– Это важно?

– Не уверен, – пожал плечами Александр. – Вообще-то племянник Смитсона должен знать его настоящий возраст. Тем более если взялся устанавливать надгробие.

Когда подняли крышку гробницы, Бишоп жестом подозвал Александра.

– Наверное, нужно воздать почести.

Сказал «а», *нужно говорить и «б»*. Белл подошел к Бишопу, и они склонились над открытой могилой. Деревянный гроб давно истлел, и теперь скелет окутало плотным саваном пыли. Благоговейно протянув руку, Белл раздвинул щепки и вынул череп, на удивление хорошо сохранившийся.

Отступив на шаг, он взглянул в пустые глазницы основателя Смитсоновского университета.

Автор надписи не ошибся относительно того, что Смитсон был уважаемым членом Лондонского королевского общества – одной из самых авторитетных научных организаций. По правде говоря, Смитсона упростили туда вступить, едва он окончил университет. Талант ученого был очевиден. Затем он в качестве химика и минералога провел большую часть своей жизни в экспедициях, собирая образцы руды и минералов.

И все же этого человека окружало множество тайн.

Почему, к примеру, он завещал свое состояние и коллекцию Соединенным Штатам?

– Мы бесконечно тебе обязаны, – пробормотал Александр, обращаясь к черепу. – Твоя душевная щедрость навсегда изменила нашу юную страну. Твое наследие показало величайшим умам Америки, что нужно отказаться от мелких устремлений и работать сообща ради всеобщего блага.

– Хорошо сказано, – одобрил Бишоп.

С каждой секундой мороз крепчал, и консул явно хотел как можно скорее покончить с этим делом.

Александр, тоже не собиравшийся мешкать, передал череп рабочему для погрузки в цинковый гроб, а сам вернулся к могиле. Раньше он уже заметил в уголке нечто треугольное.

Вновь свесившись над ямой и смахнув пыль, Белл достал маленький металлический контейнер.

Неужели это и есть вместилище кошмаров?

Контейнер оказался неожиданно тяжелым. Белл отнес его в сторону и поставил на ближайшее надгробие. Бишоп распорядился, чтобы рабочие вынули остальные кости, а сам вместе с Мейбл снова подошел к Беллу.

– Ты нашел то, что искал? – спросила жена.

– Этот предмет не должен упоминаться нигде и никак, даже неофициально, – напомнил Александр Бишопу. – Ясно?

Кивнув, тот оглянулся на остальных.

– Вы щедро заплатили за молчание.

Удовлетворившись этим, Александр откинул крышку контейнера. Внутри на кучке песка покоилось нечто, размером и цветом напоминающее тыкву.

– Что это? – спросила Мейбл.

– Кажется... кусок янтаря.

– Янтарь? – переспросил Бишоп, и в его голосе прозвучала нотка алчности. – Ценный?

– Ничего особенного. Окаменевшая смола. – Нахмурившись, Белл склонился ниже. – Бишоп, вы не могли бы на минуту взять вон у того рабочего фонарь?

– Зачем?

– Просто делайте, что я говорю. Время поджигает.

Бишоп кинулся исполнять поручение.

– Что думаешь, Алек? – спросила Мейбл, стоявшая рядом.

– Внутри что-то есть, просвечивает сквозь янтарь...

Вернулся Бишоп с фонарем.

Александр подкрутил пламя ярче и поднес фонарь к полупрозрачному куску янтаря. Тот вспыхнул ярким медово-желтым цветом, освещая свое содержимое.

– Там кости? – ахнула Мейбл.

– Судя по всему, да.

Очевидно, в могиле Смитсона тлели не только его останки.

– А что за кости? – спросил Бишоп.

– Понятия не имею. Несомненно, очень древние.

Склонившись еще ниже, он прищурился. В янтарной глубине покоился маленький, величиной с кулак, треугольный череп с широким рядом острых зубов. Он явно принадлежал рептилии, возможно, маленькому динозавру. В светящемся янтаре парили и несколько более мелких косточек. Александр представил себе, как живица древнего дерева стекает в предыдущую могилу этого существа, перемешивает косточки, а затем они навеки застывают...

Самые крошечные косточки поднялись над черепом, собравшись в жутковатый нимб.

Словно корона.

Он оглянулся на Мейбл. Та ахнула, когда узнала форму и поняла, что Смитсон писал именно об этом. О том, что он метко окрестил Венцом демона.

– Не может быть, – прошептала Мейбл.

Белл кивнул. В кармане у него лежала обгоревшая страница из дневника Смитсона, на которой покойный впечатляюще описал этот предмет. «Знайте, что Венец демона полон жизни...»

Александр содрогнулся от ужаса.

«...и готов впустить в мир исчадия ада».

3 ноября 1944 года, 20 часов 34 минуты по восточному летнему времени

Вашингтон, округ Колумбия

– Осторожно, там в темноте крысы, – предупредил Джеймс Рирдон у входа в туннель. – Очень агрессивные твари. Пару недель назад чуть палец не отхватили одному из рабочих.

Арчибальда Маклиша, снимавшего пиджак, едва не передернуло от отвращения. Толком подготовиться к спуску в подземелье не удалось: вечернее заседание в библиотеке Конгресса затянулось, и Арчибальд поздно сюда добрался.

Он посмотрел на пять ступенек, ведущих вниз, в старый подземный туннель, соединяющий замок Смитсоновского института с более новым соседним зданием по ту сторону аллеи. Музей естественной истории построили в 1910 году и на запряженных лошадьми экипажах перевезли туда десять миллионов экспонатов. Следующие двадцать лет здания соединяла общая система подземных коммуникаций протяженностью семьсот футов, но в ходе дальнейших перепланировок туннель в конце концов закрыли. Лишь время от времени туда спускалась бригада рабочих.

И, судя по всему, какой-то хищник-переросток.

Тем не менее, Арчибальд полагал, что заброшенный туннель еще послужит. В начале Второй мировой войны, будучи директором библиотеки Конгресса и главой Комитета по охране культурного наследия, он получил задание отправить в безопасное место главные достояния страны. Маклиш опасался бомбардировок, подобных лондонским, и лично проследил за тем, чтобы бесценные документы (Декларацию независимости, Конституцию и даже копию Библии Гуттенберга) отправили в безопасное место – в Форт-Нокс. Национальная художе-

ственная галерея перевезла драгоценные шедевры в Билтмор, в Северную Каролину, а Смитсоновский институт закопал «Звездное знамя» в национальном парке Шенандоа.

Все эти шаги были чрезвычайно важными, но Арчибальда очень злило отсутствие настоящего масштабного подхода. Он ведь еще в 1940 году предлагал радикальное решение: построить бомбоубежище под центральной частью Вашингтона. К сожалению, в Конгрессе его проект зарубили на корню – он показался слишком дорогим.

Несмотря на неудачу, Арчибальд не оставил свою идею. И так в итоге попал в подвалы Смитсоновского замка, оборудованные под временные бомбоубежища. Три недели назад он нанял двоих инженеров, чтобы выяснить, нельзя ли тайно соорудить еще одно убежище, расширив туннель сбоку. Два дня назад инженеры во время своей вылазки нашли в туннеле на полпути под аллеей боковую дверь, скрытую трубами и заложенную кирпичной кладкой.

Арчибальд сразу же поставил в известность Джеймса Рирдона, заместителя секретаря Смитсоновского института. Они издавна дружили, поэтому Джеймс поддерживал попытки Арчибальда соорудить бомбоубежище. Появилась надежда, что новое открытие возродит интерес к проекту. Дополнительным аргументом служило имя человека, устроившего тайник: когда разобрали кирпичную кладку, на стальной двери обнаружили табличку с надписью «Александр Грэхем Белл». А еще там было предупреждение:

За этой дверью чудо – и в то же время величайшая опасность. Оно может навсегда изменить судьбу человечества, а попав в плохие руки – всех погубить. Мы, нижеподписавшиеся, считаем этот предмет слишком опасным, чтобы предавать огласке, однако и уничтожить его не осмеливаемся, потому что он может содержать ключ к жизни, побеждающей смерть.

Джеймс выяснил, что никого из них уже нет в живых, и ничто не указывало на обстоятельства, которые заставили Белла спрятать некую загадку в туннеле.

Соблюдая такой же уровень секретности, Арчибальд рассказал об обнаруженной двери только своему другу Джеймсу. С инженеров взяли клятву молчать. Теперь они ждали внизу, в готовности сбить замок и собственными глазами увидеть, какую тайну так тщательно скрыли почти сорок лет назад.

– Пора, – сказал Джеймс, взглянув на карманные часы.

Арчибальд знал, что они и так на час отстают от графика.

– Показывай дорогу.

Джеймс нырнул в проход и спустился по ступенькам. Он шел энергично, а вот Арчибальду потребовалось больше времени, чтобы преодолеть узкую крутую лестницу. Впрочем, Джеймс на пятнадцать лет моложе, вел активный образ жизни и выезжал в геологические экспедиции. Арчибальд же был пятидесятичетырехлетним поэтом, которого Франклин Рузвельт уговорил заняться кабинетной работой. Позднее Маклиш описал свое назначение так: «Президент решил, что я хочу стать директором библиотеки Конгресса».

Путь освещали электрические лампочки в проволочных сетках, расположенные под низким потолком. Некоторые были выкручены или разбиты – в этих местах туннель погружался в темноту.

Джеймс включил мощный электрический фонарь. Арчибальд шел за ним. Он мог бы выпрямиться здесь во весь рост, но двигался, низко опустив голову, чтобы не удариться о темные трубы, свисающие с потолка, – особенно после того, как услышал там скрежет коготков и копошение.

Джеймс вдруг остановился, и Арчибальд чуть на него не налетел.

– Что слу...

Впереди послышался резкий звук.

Джеймс обернулся, встревоженно хмурясь.

– Стреляли.

Он выключил фонарь и достал из-под рабочей куртки «Смит-и-Вессон». Арчибальд не знал, что его друг вооружен, хотя, учитывая, какая огромная опасность таится внизу, револьвер мог оказаться не лишним.

Джеймс сунул ему фонарь, а сам вцепился в рукоять револьвера.

– Возвращайся и приведи подмогу.

– Откуда? Наверху сейчас ни души. Пока я подниму тревогу, будет уже поздно. – Арчибальд перехватил длинный фонарик, словно дубинку. – Я иду с тобой.

Спор закончился: впереди прозвучал приглушенный взрыв.

Поморщившись, Джеймс двинулся вперед, держась у стены и стараясь не выходить из тени. Арчибальд пробирался вслед за ним.

Через несколько шагов их накрыло облаком пыли от взрыва. Впрочем, воздух скоро очистился, чего нельзя было сказать о туннеле: пол и трубы накрыло копошащимся темным ковром.

Крысы... Полчища крыс.

Припав к стене, Арчибальд едва сдерживал крик. Что-то плюхнулось ему на плечо, а потом пискнуло и прыгнуло на пол. По его ботинкам семенили крошечные лапки. Несколько крыс взбирались по штанинам, словно карабкаясь на дерево, стоящее посреди разливающейся реки.

Казалось, идущий впереди Джеймс ничего не замечает. Он шагал, не обращая внимания на копошение под ногами.

Стиснув зубы, Арчибальд бросился вдогонку за другом.

Они поравнялись с длинной полосой разбитых лампочек, и тут впереди замерцал свет. На полу стояли два фонаря, освещаая тело.

Это был один из инженеров.

Слева в круг света вошли темные силуэты.

Трое в масках.

Опустившись на одно колено, Джеймс нажал на спусковой крючок. От звука выстрела Арчибальд подпрыгнул и едва не оглох.

Один из чужаков дернулся и сполз по стене.

Вскочив на ноги, Джеймс побежал вперед и выстрелил еще раз. У Арчибальда перехватило дыхание, а потом он тоже бросился вперед. В дальнейшей неразберихе, освещаемой вспышками выстрелов, увидел, как один из людей в масках пытается поднять на ноги раненого товарища. Джеймс снова и снова нажимал на спусковой крючок. Пули с визгом отлетали от бетонных стен.

Третий чужак бросился бежать, стиснув в руке тяжелый мешок и стреляя через плечо. Он не целился: ему явно важнее было спастись. Сообщник наконец последовал за ним – выстрелы Джеймса заставили его забыть про лежащее на полу тело.

Когда Джеймс и Арчибальд подбежали ближе, обоих отбросило назад еще одним взрывом. Из открытого слева прохода в туннель вырвалось пламя.

Арчибальд вскинул руку, защищая лицо.

Потом Джеймс снова побежал вперед.

Оказавшись у двери, Маклиш быстро оценил ситуацию. Инженера, который, скрючившись, лежал у порога, убили выстрелом в затылок. Второй умер в помещении. Его одежду охватило пламя от взрыва. В глубине комнатки полыхал книжный шкаф и его содержимое. В наполненном дымом воздухе еще кружились горящие страницы.

Джеймс принялся обыскивать лежащий на полу труп, сбивая пламя с одежды.

В центре комнаты стояла колонна высотой примерно в половину человеческого роста. Под ней лежал опрокинутый и открытый контейнер – видимо, его смело с постамента взрывом. Казалось, в этом металлическом сундуке ничего нет, кроме кучки песка; от удара о пол песок высыпался.

Арчибальд вспомнил тяжелый мешок, с которым убегал вор, и у него упало сердце: что бы ни спрятал в этой комнате Белл и его единомышленники, теперь оно пропало. И все же, прикрывая рукой нос и рот, он нырнул в волну раскаленного воздуха. Его внимание привлекло нечто, лежащее в песке.

Обойдя труп инженера, Арчибальд наклонился и вытащил из песка свою находку: журнал для полевых заметок. Кожаная обложка почернела от намного более древнего огня, чем тот, который бушевал сейчас. Выйдя из комнаты и быстро пролистав страницы, Арчибальд увидел, что большинство страниц обуглены или вырваны – но не все. Воры, скорее всего, не заметили присыпанную песком старую тетрадь на дне сундучка.

– Взгляни сюда, – сказал Джеймс, сидевший на корточках в туннеле.

Арчибальд посмотрел на мертвое лицо, с которого сорвали тканевую маску, и ахнул.

– Господи, женщина!..

Странные открытия на этом не закончились.

У нее были черные волосы и широкие скулы, а слегка скошенные глаза не оставляли сомнений в ее происхождении.

– Японка, – пробормотал Арчибальд.

– Скорее всего, диверсантка, – кивнул Джеймс. – Но я вот что хотел показать...

Он приподнял безжизненную руку, чтобы продемонстрировать татуировку на внутренней стороне запястья.

– Что думаешь?

Арчибальд наклонился, внимательно вглядываясь.

– Что это может означать?

Он оглянулся на горящую комнату. Перекошенная дверь висела на петлях: ее, очевидно, снесло взрывной волной. Табличка с выгравированной надписью блестела, словно подсвечивая давнее предупреждение.

«...величайшая опасность».

– Понятия не имею, – ответил Арчибальд. – Но ради нашего народа и, возможно, всего мира мы должны это выяснить.

Часть первая

Колонизация

Глава 1

Наши дни 8 марта, 15 часов 45 минут по бразильскому времени

Кеймада-Гранди, Бразилия

Распластанное лицом вниз тело было наполовину скрыто песком и травой.

– Бедняга почти добрался до лодки, – заметил профессор Кен Мацуи.

Он отошел, чтобы врач – молодая женщина по имени Ана Луис Чавос – осмотрела тело. Каждого, кто официально ступал на Кеймада-Гранди (остров примерно в двадцати милях от берега Бразилии), обязаны были сопровождать врач и представитель военно-морского флота.

Их военный сопровождающий, старший лейтенант Рамон Диас, осмотрел моторную лодочку, спрятанную между скал в нескольких шагах отсюда.

– *Caçador furtivo... idiota*, – презрительно фыркнул он, сплюнув на песок.

– Говорит, что это, скорее всего, браконьер, – пояснил Кен своему аспиранту, с которым они приехали из Корнеллского университета.

У двадцатисемилетнего Оскара Хоффа была бритая голова, левое плечо рукавом охватывала полоса татуировок. С виду – крутой парень из уличной банды. Но этот образ мог ввести в заблуждение разве что какую-нибудь наивную студентку, легко поддающуюся первому впечатлению. Оскар – побледневший и скрививший губы – явно впервые в жизни видел труп. Хотя, конечно, от такого зрелища кому угодно могло стать не по себе. Над телом потрудились крабы и птицы, а песок вокруг почернел от широко разлившейся лужи крови.

Казалось, это все мало волнует доктора Чавос. Она осмотрела сначала одну руку покойника, затем другую, села на корточки и будничным тоном промолвила что-то на португальском, глядя сначала на Диаса, а потом на волны, над которыми низко нависало солнце. До заката оставалась буквально пара часов.

– Он умер минимум три дня назад, – объявила доктор по-английски, указывая на левую руку покойника.

Кожа от локтя до запястья почти полностью почернела. Сквозь отмершие ткани просвечивали белые кости.

– ...от укуса змеи.

– *Bothrops insularis*, – предположил Кен, взглянув на ближайшие скалы и тропический лес, покрывавший этот небольшой – всего в сотню ярдов – остров. – Островной ботропс.

– Потому мы и называем этот остров Змеиным, – сказал Диас. – Они здесь хозяева, а кто этого не понимает – рискует поплатиться.

Остров кишел змеями – которые к тому же нигде больше не водились. Поэтому бразильские военные не могли использовать остров Кеймада-Гранди. Они лишь прибывали раз в два месяца для обслуживания местного маяка. И даже маяк пришлось перевести в автономный режим после того, как вся семья первого зрителя (муж, жена и трое детей) погибла однажды ночью, когда в открытое окно проскользнула змея.

С тех пор остров закрыли для посещения туристов. Время от времени сюда пускали исследовательские группы – в сопровождении военных и врача с сывороткой.

Именно такая группа прибыла сегодня.

Кен сумел организовать эту поездку благодаря весомой поддержке японских спонсоров. Завтра здесь ожидали бурю, и им с Хоффом пришлось поспешить. Они едва успели выехать из гостевого дома в поселке Итаньяэн и сесть на лодку.

– Нужно найти и поймать двух ваших особей, пока не стемнело, – заметила Ана Луис, поднимаясь на ноги. Надувная лодка «Зодиак» стояла в ближайшей песчаной бухточке. – После наступления темноты здесь ничего хорошего не происходит.

– Мы быстро, – пообещал Кен. Он достал крюк с долгой рукоятью и дал Оскару последние указания: – На каждый квадратный ярд этого острова приходится по змее. Поэтому держись позади, а я пойду первым. И помни, что смерть всегда в одном-двух шагах от тебя: она прячется под камнем или затаилась в ветвях.

Аспирант покосился на лежащий у воды труп – достаточно убедительное напоминание о том, как здесь опасно.

– Зачем?.. Зачем идти на такой риск и пробираться сюда в одиночку?

– За каждую местную гадюку на черном рынке дают минимум двадцать тысяч долларов, – ответила Ана Луис. – Иногда больше.

– Браконьерство – прибыльный бизнес, – объяснил Кен. – Мне в разных уголках света попадалось немало таких зоопиратов.

И я далеко не впервые вижу человека, погибшего из-за собственной жадности.

Кен был всего на десять лет старше своего аспиранта, но провел много времени в экспедициях. Он ездил в разные уголки света и защитил две диссертации: по энтомологии и токсикологии. Его интересовали яды животного происхождения.

Объединение разных научных сфер выглядело довольно логичным, учитывая смешанное происхождение самого Кена. Его отец был чистокровным японцем. В детстве он попал в лагерь для интернированных в Калифорнии. Мать Кена, немка, почти ребенком иммигрировала в США после войны. Кен всю жизнь слышал расхожую шутку о том, что его семья – это мини-версия союза Оси¹ посреди американской глубинки.

Два года назад родителей не стало, умерли с разницей всего в месяц. Их наследие – смесь кровей – проявилось в бледной коже Кена, его густых темных волосах и слегка раскосых глазах. А еще смешанное происхождение (японцы называли таких полукровок «хафу») помогло Кену получить этот грант. Исследовательский визит на Кеймада-Гранди частично профинансировала японская фармацевтическая компания «Танака» в надежде открыть очередное чудо-лекарство на основе яда местных обитателей.

– Идем, – сказал Кен.

Оскар напряженно сглотнул и ответил кивком, перебирая набор щипцов для ловли змей. Эти приспособления гарантировали безопасность при ловле рептилий, но Кен предпочитал простые крючья: меньше стресса для животных. Если щипцами орудовали чересчур бесцеремонно, змея могла почувствовать угрозу и наброситься.

Двигаясь от берега в глубину острова, люди ступали бережно, каждый раз выбирая, куда ставить ноги, обутые в высокие, до колена, ботинки. Песок быстро перешел в полосу каменистой земли, поросшую низким кустарником. Дальше начиналась темная бахрома тропического леса.

Надеюсь, нам не придется искать змей в тех зарослях.

– Посмотри под кустами, – сказал Кен и крюком на кончике шеста приподнял склонившиеся к земле ветки. – Только не пытайся их там ловить – сначала пусть выползут на открытое пространство.

У Оскара тряслись руки, когда он, следуя примеру Кена, обшаривал ближайший куст.

– Вдохни поглубже. Ты умеешь их ловить, – подбодрил парня Кен. – Здесь все в точности так же, как в нашем зоопарке.

С перекошенным от страха лицом Оскар обыскал первый куст.

– Ни... ничего.

– Хорошо. Двигайся дальше. Постепенно.

Ступая впереди, Кен заговорил веселым тоном, чтобы разогнать страх Оскара:

¹ Страны Оси – агрессивный военный блок Германии, Италии и Японии времен Второй мировой войны.

– Когда-то считалось, что змей завезли на остров пираты, чтобы те стерегли закопанные здесь сокровища.

Доктор Чавос фыркнула, а Диас лишь нахмурился.

– Судя по всему, это были не пираты, – сказал Оскар.

– Нет. Данная популяция гадюк появилась примерно одиннадцать тысяч лет назад, когда поднялся уровень океана и перешеек, соединявший остров с материком, затопило. У здешних гадюк не было естественных врагов, и они быстро расплодились. Но единственный источник пищи находился на деревьях.

– Птицы...

– Над этим островом пролегают миграционные пути, поэтому змеи каждый год собирали щедрый урожай. Однако птицы оказались более сложной добычей, нежели та, что прикована к земле. Змеи вползали на деревья, но если укушенная птица улетала, она была для них потеряна. Поэтому их яд в ходе эволюции стал в пять раз токсичнее, чем у материковых собратьев.

– Чтобы укушенная птица умирала как можно быстрее.

– Да. Яд местных тварей воистину уникален: самый настоящий коктейль из токсинов, и они не просто разъедают плоть! Под их действием отказывают сердце и легкие, начинаются мозговые и кишечные кровоизлияния. Вообще-то мы здесь именно ради этих гемотоксичных составляющих. Они очень перспективны для разработки лекарств от сердечно-сосудистых заболеваний.

– Так мы здесь пытаемся найти новый «Каптоприл»?.. – заметил Оскар.

– Ну, есть такие надежды у людей из «Танаки».

По правде говоря, эти надежды вполне могли оказаться обоснованными. «Каптоприл» – лекарство от повышенного давления, пользующееся большим спросом, – разработали в «Бристоль-Майерс Сквибб» на основе яда *Bothrops jararaca* (еще одной бразильской гадюки и близкого родственника местного вида).

– Кто знает, какие еще секреты скрывает этот яд? – продолжал Кен. – Вот, скажем, «Приалт» – мощное обезболивающее. «Илан фармасьютикалс» только что выпустили его на рынок. А ведь это разработка на основе токсина ядовитых моллюсков. Белок, обнаруженный в яде аризонского ядозуба, исследуют на предмет создания чудо-средства от болезни Альцгеймера. Компании по всему миру вкладывают немалые средства в программы по изучению ядов в надежде открыть новые лекарства.

– Похоже, наступило хорошее время для токсикологов, специализирующихся на ядовитых тварях, – широко улыбнулся Оскар. – Может, нам и самим стоит открыть свое дело... Акционерное общество «Яды»!

Кен шутливо ткнул в аспиранта крюком для ловли змей.

– Ты сначала свою первую змею поймай, а потом поговорим о собственном бизнесе.

Улыбаясь, Оскар двинулся к следующему колючему кусту, наклонился и приподнял нижние ветки. Что-то вырвалось из-под них и поползло по камням. Оскар вскрикнул, попятился и наткнулся на Ану Луис. Оба упали на землю. Змея длиной два фута поползла прямо к ним.

Кен прыгнул вперед и прижал ее к земле посередине, а потом осторожно приподнял. Змеиное тело беспомощно обвисло, крошечная голова с высунутым языком болталась.

Оскар попытался отползти подальше.

– Не бойся. Это *Dipsis indica*, полностью безобидный вид. Питается улитками.

– Я... я думал, она набросится на меня, – сказал Оскар, покраснев от стыда.

– Обычно эти маленькие змеи не нападают. Действительно странно, что она поползла к тебе. – Кен прикинул направление. – Скорее она просто ползла к берегу.

Как и браконьер.

Эта мысль ему не понравилась. Он взглянул в противоположном направлении, на ряд скал впереди и лес за ними. Опустил змею на камни, и та поползла дальше к песчаной полоске пляжа.

– Идем, – скомандовал Кен, взбираясь по склону.

За гребнем находилась выстланная песком ложбина. Кен ошеломленно застыл на краю. Того, что он увидел, просто не могло быть.

Почти все камни и открытые полосы песка были покрыты золотисто-желтыми змеями. Сотни королев острова – *Bothrops insularis*.

– Боже, – выдохнул Оскар, содрогнувшись.

Ана Луис перекрестилась, Диас поднял ствол и сразу опустил – не было необходимости стрелять.

– Все мертвы, – пробормотал Кен.

Но почему?

Ни одно из тел в песчаной чаше не шевелилось. И там были не только змеи. На самом дне лицом вниз лежало еще одно неподвижное тело.

Диас что-то сказал Ане Луис на португальском, та кивнула. Кен достаточно хорошо знал язык, чтобы понять: скорее всего, это был сообщник браконьера, найденного на берегу. Во всяком случае, эти люди были одинаково одеты.

Сейчас никому ничего не угрожало, но люди не могли сдвинуться с места, парализованные ужасом.

– Этот парень что, еще дышит? – подал голос Оскар.

Кен прищурился. Совершенно исключено!.. Впрочем, молодой аспирант оказался более зорким, чем остальные. У человека внизу действительно поднималась и опускалась грудь, хотя и неравномерно, рывками.

Ана Луис вполголоса выругалась и шагнула вперед, снимая с плеча сумку.

– Подождите, – остановил ее Кен. – Давайте сначала спущусь я. Возможно, некоторые змеи еще живы. И даже мертвые змеи могут кусать.

Ана Луис оглянулась, недоверчиво наморщив лоб.

– Существует немало рассказов о том, как человек отрубил голову кобре или гремучей змее, а его все равно укусили. У многих холонокровных животных рефлекс работает даже после смерти.

Крюком отодвигая с пути тела, Кен медленно двинулся вниз по склону. Казалось, гадюки действительно мертвы. Они совершенно не реагировали на приближение людей – самый убедительный знак, учитывая их агрессивность.

Спускаясь ниже, он все яснее чувствовал непонятную вонь. Конечно, здесь ожидаемо стоял смрад плоти, разлагающейся на солнце. Но было нечто еще, более сильное. Тошно-творно-сладковатый запах, словно от гниющего цветка.

Почему-то сердце начало биться быстрее, словно включился какой-то древний рефлекс распознавания опасности.

Чувства обострились, и только сейчас Кен наконец заметил, что в ближнем тропическом лесу стоит жуткая тишина. Ни стрекота насекомых, ни щебета птиц – ничего, кроме шороха листьев. Остановившись, он взвел курок револьвера.

– Что там? – спросила Ана Луис.

– Возвращайтесь.

– А что...

Кен попятился, тесня ее вверх и не отводя глаз от лежащего на земле тела. Теперь он мог хорошо рассмотреть лицо.

Глаз не осталось. Ноздри забила запекшаяся кровь.

Несомненно, этот человек давно умер.

И все же грудь вздымалась. Только не от предсмертных вздохов.
Внутри что-то шевелилось. Что-то живое.

Кен попятился быстрее, по-прежнему боясь отвести взгляд.

Доктор поднялась на гребень к остальным, когда из тропического леса донесся еще один звук. Из тени поднимался тихий гул, от которого волосы встали дыбом. К нему добавилось какое-то странное сухое постукивание. Кену хотелось бы списать все на трение веток. Но ветра не было.

Это больше напоминало стук костей.

Он развернулся и несколькими прыжками выбрался на вершину.

– Нужно убираться с... – выпалил он, задыхаясь.

Взрыв не дал ему договорить. В небо взметнулся столб огня справа, из бухточки, где они оставили «Зодиак». Сквозь дымовую завесу пронесся маленький черный вертолет. Сверху застрекотали автоматные выстрелы, вспыхивая между скал и прошивая песок.

Первым упал Оскар – его шея превратилась в кровавый кусок мяса.

Диас попытался открыть огонь в ответ, но сразу же упал навзничь.

Ана Луис кинулась было бежать... Ее расстреляли в спину.

Бросившись обратно в ложбину, Кен опоздал всего на миг: плечо прошла боль. Выстрелом его сбilo с ног. Он упал и покатился вниз по холодным змеиным трупам. Оказавшись на дне, замер, почти скрытый змеиными телами.

Вертолет пронесся над головой, потом снизился и описал полукруг.

Кен затаил дыхание.

Вертолет наконец вернулся к пляжу – скорее всего, чтобы убедиться, что «Зодиак» действительно уничтожен. Рокот двигателя стих вдали.

Улетает?

Кен боялся шевельнуться, хотя рокот, ставший более громким, доносился теперь из джунглей. Он приподнял голову, чтобы видеть ближайшую полосу деревьев. Какой-то туман, более густой, чем сумерки, вился меж ветвей, поднимаясь из-под лесного полога. Жуткое щелканье становилось все громче.

Что сейчас будет...

Мир охватило пламя.

Из леса донеслись взрывы чудовищной силы, выталкивающие в небо спиралевидные огненные кляксы. Взрывы прокатились залпами по всем лесистым возвышенностям острова. Вокруг Кена градом сыпались раздробленные стволы деревьев. Едкий удушающий дым клубился над скалами, уничтожая то, что осталось от острова.

Кен пополз вперед. Его выворачивало от кашля. Язык жгло от витавшего в воздухе едкого химического привкуса.

Напалм... Или еще какой-то горючий дефолиант.

Легкие разъедало. Кен перевалился через гребень и пополз на пляж. Он хотел добраться до воды, до лодочки, спрятанной между скал браконьерами, и молился, чтобы дымовая завеса его прикрыла. Он почти ничего не видел, но ощутил ладонями холодную воду, погрузился в нее и двинулся к лодке.

А позади огонь пожирал остров, выжигая его до основания.

Едва держась на ногах, Кен добрался до лодки, перевалил через борт и упал на спину. Он не собирался выходить в море, пока не сядет солнце. Хотел дожидаться, когда покров дыма и темнота опустятся на воду и спрячут его, если к тому времени вертолет еще не улетит.

По крайней мере, он надеялся, что в темноте у него больше шансов.

А тем временем боль в плече помогала не потерять сознание и поддерживала стремление – такое же жгучее, как бушевавший за бортом огонь.

Кен прижал к груди тугую сумку. Он успел бросить туда тело одной из мертвых змей.

Я выясню, что здесь произошло.

Глава 2

4 мая, 08 часов 38 минут по японскому времени

Токио, Япония

В храмовом саду опустился на колени старик. Он сидел в традиционной японской позе сэйдза: спина прямая, ноги подогнуты. Девяностолетние кости пронзала боль – в них врѣзались булыжники храмовой дорожки, – но старик не обращал внимания. За спиной последние лепестки цветущей вишни осыпались на древнюю пагоду Канъэй-дзи. Пик знаменитого сезона закончился три недели назад – тогда в парки Токио хлынули туристы, которые жадно созерцали и фотографировали лучшие моменты цветения.

Что же касается Такаси Ито, ему больше нравились последние дни сезона: разлитая в воздухе меланхолия была созвучна его собственной грусти. Маленьким веером он смахнул иссохшие лепестки с невысокого, по пояс, камня, что стоял перед ним.

От колебаний воздуха над курильницей благовоний, стоящей у подножия камня, поднялись струйки дыма. То был аромат нескольких сортов древесины алойного дерева и экстракта коры магнолии. Такаси взмахами веера направил к себе дымок, надеясь обрести благословение и приобщиться к тайне.

И снова уже в который раз ему вспомнились строки Отагаки Ренгецу, буддистской монахини, жившей в XIX веке:

Один завиток
Ароматного дыма
С палочки тонкой
Без следа ускользает.
Что он уносит с собой?

Одинокая черная ленточка дыма растворилась в воздухе, оставив после себя лишь сладкий аромат.

Так исчезла и ты много лет назад, возлюбленная моя Миу.

Закрыв глаза, Ито молча молился. Каждый год он приезжал сюда в годовщину свадьбы. Когда они с Миу тайно поженились, им было по восемнадцать. Такие юные и полные надежд... Их объединяла не только любовь, но и общее дело. Десять лет тренировались они вместе, оттачивая необходимые навыки. В те трудные времена они праздновали победы и залечивали раны: учителя наказывали строго. Ито и Миу работали вместе благодаря своим взаимодополняющим способностям. Он – твердый камень, она – текучая вода. Он – гром и напор, она – молчание и тень.

Они считали себя неуязвимыми, особенно когда были вместе.

Ито скривил губы. *Безрассудство юности!*

Открыв глаза, он вдохнул остатки дыма, поднимавшегося из курильницы. Ее содержимое к тому времени уже превратилось в пепел. Алойное дерево ценилось очень высоко, в буквальном смысле на вес золота и даже дороже. Старинное японское название этой древесины означало «драгоценная».

Каждый год он жег благовония в память о Миу.

Теперь настала особенная годовщина.

Ито опустил взгляд: в слюдяной курильнице тлели остатки вытяжки из магнолиевой коры. То был новый элемент ритуала. Воины-самураи веками жгли экстракт магнолиевой коры перед битвой, чтобы очистить разум и тело, а Ито сейчас возрождал давний обет.

Отплатить за смерть Миу.

Он смотрел на камень, покрытый древними письменами. То была не могила жены. Ее тело он давным-давно потерял навсегда, а эта гранитная глыба играла роль надгробия из-за слов, которые в 1821 году высек здесь ее прадед. Сэссай Мацуяма установил этот камень в буддийском саду, дабы успокоились духи его жертв. Сэссай внес огромный вклад в науку и оставил после себя много книг и текстов, в том числе «Чучи-дзё» – анатомический трактат о насекомых. Сейчас его считали национальным достоянием благодаря искусно выполненным изображениям бабочек, сверчков, кузнечиков и мух. Работа доказывала, что и самые крошечные создания наделены красотой. Ради этой великой цели во благо науки поймали, проткнули булавками и умертвили множество насекомых. Из чувства вины Сэссай Мацуяма поставил этот камень, воздавая им должное и, возможно, стараясь очистить свою карму.

Миу много раз приводила сюда Такаси, светясь от гордости. Она хотела когда-нибудь пойти по стопам своего предка. Миу вдохновляло его увлечение. Но эта простая мечта в один миг развеялась как дым от одного выстрела...

Ито закатал рукав, обнажая внутреннюю сторону запястья. С его истончившейся, словно бумага, кожи сошли чернила. Когда-то его поместили тем же знаком, которого была удостоена нежная кожа Миу: инструменты вокруг полумесяца и черной звезды. Этот знак делал им честь и доказывал, что они прошли все испытания наставников в школе «Кагэ». Когда им сделали эти татуировки, он целовал запястье Миу, пытаясь пройти губами по нанесенным иглой линиям. Это сблизило их так же сильно, как тайный брак.

Но сейчас даже эта нить, связывавшая его с Миу, истончилась.

Опустив рукав, Ито вновь посмотрел на огонь, пожиравший остатки благовоний. Аромат развеивался в воздухе.

...куда исчезает?

Он не знал ответа, лишь понимал, что потерял Миу навсегда. Она погибла во время их первого задания: похитить сокровища из-под носа врага. Ито сгорал от стыда, вспоминая, как бежал по темному туннелю, бросив ее тело, подгоняемый выстрелами, а еще – стремлением сделать так, чтобы принесенная ею жертва не пропала впустую.

Миссия завершилась успешно. Позже, узнав наконец, что на самом деле извлекли из того проклятого туннеля, он подумал, что это знак. Взгляд скользнул по строкам на древнем памятнике. Миу не могла пойти по стопам своего предка; эстафету вместо нее принял Ито.

Легонько поклонившись, он поднялся на ноги. Двое слуг хотели было прийти на помощь, но он считал делом чести отстранить их и выпрямиться самостоятельно. Зато он принял у них трость, вцепившись костлявыми пальцами в набалдашник розового золота в форме огненной головы феникса.

Ито десятилетиями проводил исследования и вкладывал деньги; теперь в конце концов он мог осуществить свою месть и возродить былую славу Японии. А послужить этой цели должно было то самое сокровище, которое стоило Миу жизни.

Он развернулся и пошел по саду к пагоде. Трость стучала в такт гулким ударам сердца. Храм Канъэй-дзи был основан в XVII веке. Когда-то его земли простирались на всю территорию Уэно, где сейчас находились городской зоопарк и государственные музеи. Упадок храма начался в 1869 году, когда японский император напал на последних сёгунов Токугава, которые хотели захватить власть и прятались в храме. Со времен осады в деревянных стенах еще кое-где остались пули.

Ныне храм посещали только изредка. Его кровавое прошлое почти забылось.

Я сделаю так, чтобы униженный войной народ вспомнил свою былую славу.

Ито обошел пагоду и шагнул под большую вишню, с которой посыпались последние лепестки. Они кружились вокруг, словно Миу благословляла его. Едва заметно улыбнувшись, Ито вышел на улицу и в ожидании лимузина потирал выцветшую татуировку на руке.

Осталось недолго.

Скоро он встретится с Миу. Но не сейчас. Не раньше, чем свершится месть и Японская империя займет надлежащее место мирового правителя.

Там, в саду, его мысли унеслись в прошлое. С каждым годом это происходило все чаще. Они с Миу были незаконнорожденными детьми богатых семей. Из-за чужих грехов стали изгоями и в конце концов оказались в «Кагэ».

В те времена люди мало знали о «Кагэ». Это слово означало попросту «тень». Ходило множество слухов. Некоторые полагали, что члены организации – потомки опозоренного рода ниндзя. Кое-кто считал их призраками. Однако Такаси в конце концов узнал правду. История организации заговорщиков уходила корнями в далекое прошлое. По всему миру они носили множество имен и масок. Но цель везде была одна: копить силу и наращивать влияние в разных странах, используя для своих целей тайные учения, а затем и науку. Они стояли за кулисами официальной власти.

Когда началась война, «Кагэ» ненадолго вышли из тени в Японии, воспользовавшись хаосом. Их особенно привлекала кровь и боль тайных японских лагерей, где не было места милосердию. Императорская армия создала тайные исследовательские центры на севере Китая: сначала в крепости Чжонгма, затем в Пинфане. Там занимались разработками биологического и химического оружия.

Для этого армия поставляла людей: жителей местных китайских деревень, пленных русских и союзников. Три тысячи японских ученых насильно проводили эксперименты на людях. Исследователи заражали их сибирской язвой и бубонной чумой, а затем проводили вскрытия без анестезии. Отмораживали им конечности, чтобы изучать воздействие холода. Насиловали женщин и заражали их сифилисом. Испытывали огнеметы на привязанных к столбам людях.

В тех местах под прикрытием работали и члены «Кагэ», делая вид, что помогают, а в реальности – стараясь извлечь любую возможную выгоду из знаний, добываемых ужасными методами. Именно тогда главы «Кагэ» услышали о том, что открыт секрет несравненного оружия, давно считавшийся потерянным. Они пытались завладеть им почти сто лет назад, но не смогли. А теперь из Соединенных Штатов пришло известие: можно попытаться еще раз. Под конец 1944 года туда отправили маленькую группу захвата, свободно владеющую английским.

Миссия увенчалась успехом, но стоила жизни Миу.

К сожалению, война закончилась слишком быстро: на Японию сбросили две бомбы – одну в Хиросиме, другую в Нагасаки. Такаси много думал о том, нельзя ли объяснить невероятную жестокость американцев тем, *что* похитили из туннеля под их столицей.

Впрочем, это не имело значения.

После войны похищенным завладел Ито. Содержавшийся в куске янтаря секрет был слишком опасен, чтобы воспользоваться им в те времена. Понадобилось много десятилетий, чтобы наука достигла уровня, позволяющего извлечь выгоду из трофея. За это время даже «Кагэ» перестала существовать.

Несколько лет назад американцы открыли организацию заговорщиков и вытащили их на свет дня, где исчезают и гибнут тени. К тому времени Такаси достиг достаточно высокого уровня в иерархии организации, чтобы узнать другие ее названия, в том числе американское.

Гильдия.

В последовавшей чистке большинство ответвлений теневого заговора искоренили и уничтожили. Однако не все. Например, остался в живых девяностолетний старик, которого никто не опасался. Сохранившиеся остатки организации еще глубже ушли в подполье. С тех пор Ито и его внук тайно собирали эти семена, создавая собственный самурайский отряд и выжидая благоприятного момента.

Наконец, после долгого изучения в далеких лабораториях и секретных полевых испытаний в других странах они взлелеяли невероятно мощное и разрушительное оружие. А еще

определили первую мишень, дабы заявить о себе миру и в то же время нанести удар той самой организации, которая уничтожила Гильдию.

В частности, двум агентам, которые сыграли в этом решающую роль...

К обочине подъехал лимузин. Ито улыбнулся. Даже само место, где затаилась эта парочка, имело важное символическое значение. Именно там Япония первым своим сокрушительным ударом застала врасплох спящего великана. Ито собирался сделать то же самое.

То, что постигло эти острова в прошлом, не шло ни в какое сравнение с тем, что им предстояло в будущем. Первый удар должен провозгласит смерть нынешнего мирового порядка и мучительное рождение нового, в котором Японская империя будет править вечно.

И все же Ито не мог не думать о первых двух мишенях.

Любовники, как мы с Миу...

Они тоже были обречены, хотя и не знали этого.

Глава 3

6 мая, 17 часов 08 минут по гавайскому времени

Хана, остров Мауи

Вот так жизнь...

Коммандер Грейсон Пирс нежился на прогретом солнцем красном песке в Кайхалулу-бэй. Сейчас был не сезон, к тому же близился вечер, поэтому весь этот укромный красно-черный пляжик находился в распоряжении Пирса. Да и вела сюда не самая удобная дорога.

И все же здешняя уединенность и девственная красота оправдывали все усилия.

За спиной у Пирса вздымалась вулканическая гора. Ее осенявший бухточку крутой склон покрывали густые заросли железного дерева. Богатые железом скалы веками дробились, превращаясь в красный песок и создавая уникальный пляж. Неподалеку от берега тяжелые валы накатывали на зазубренный черный волнолом. Высоко в небо взлетала мельчайшая водная пыль, которую подсвечивало заходящее солнце. И только здесь, в бухте, под прикрытием рифа, волны накатывали на песок мягко.

Из волн вышла обнаженная женщина с черной гривой ниспадающих до пояса волос. Она шла к берегу, постепенно открывая взгляду смугловатую кожу. Вода струйками стекала по голым грудям и гладкому животу. Когда взгляд женщины остановился на Грее, ее глаза засияли, словно изумруд, украшавший пупок. Она не стала приветствовать его лукавой улыбкой, а лишь слегка наклонила голову и совсем чуть-чуть приподняла правую бровь. В ее движениях Грей видел сладострастную грацию львицы, крадущейся к добыче.

Он приподнялся на локте. Его ноги еще грело солнце, но на остальные части обнаженного тела легли тени высящихся позади скал.

Сейхан ступила на горячий песок. Подойдя вплотную и широко расставив ноги, она оседлала мужчину и застыла, не пересекая границу тени.

– Не смей, – предостерег Грей.

Не обращая на него внимания, Сейхан тряхнула гривой мокрых волос, орошая его дождем холодных брызг. Его загорелое тело сразу покрылось гусиной кожей.

– Что, замерз?

Она села ему на живот, пробуждая своим теплом, и наклонилась, обхватив его голову руками.

– Попытаемся тебя разогреть, – промурлыкала Сейхан, прижимаясь к нему грудью.

Широко улыбнувшись, Грей обхватил ее, согнул колени и перекатился на живот, подмяв женщину под себя.

– Я так разогрет, что дальше некуда.

Спустя час тени полностью покрыли их тела и весь пляж. И все же яркий солнечный свет радугами прорывался сквозь водную пыль, вздымающуюся над зубцами волнолома.

...Грей и Сейхан лежали в обнимку под одеялом, измотанные и обессиленные. Их еще согревал жар недавней любовной схватки, а тела словно срослись воедино. Грей мог бы лежать так целую вечность...

Подняв голову, он взглянул на скалы, обрамляющие бухту.

– Нужно двигаться, пока дорогу видно. – Грей посмотрел на гидрокостюмы, сохнувшие на песке, и снаряжение: они обследовали местные рифы. – Еще тащить все это...

Сейхан что-то промурлыкала, явно не желая уходить.

Они арендовали домик к югу от Ханы – маленького городка на живописном восточном побережье острова Мауи, в краю роскошных тропических лесов, водопадов и уединенных пляжей. Сначала планировали остаться на пару недель, однако прошло уже три месяца.

Они путешествовали полгода, переезжая с места на место, без конкретного маршрута. Просто колесили по миру. Покинув округ Колумбия, жили некоторое время в отгороженной от мира средневековой французской деревне. Потом рванули в саванны Кении. Две недели кочевали из лагеря в лагерь в нескончаемом потоке миграций местных животных. И в конце концов оказались посреди человеческого муравейника в Мумбаи, где безудержным ключом была жизнь. А затем им снова захотелось уединения. В Перте они арендовали грузовик и исколесили австралийское захолустье. Пыль нескончаемых пустынных дорог смыли в горячих источниках новозеландского курорта, притаившегося далеко в горах, и, восстановив силы, отправились в неспешное путешествие по Тихому океану, перебираясь с одного острова на другой, из Микронезии в Полинезию, пока не попали сюда, в самый настоящий рай.

Время от времени Грей отправлял открытку своему лучшему другу, Монку Коккалису, – в основном для того, чтобы в округе Колумбия знали: он жив и не похищен врагами. Посылать весточку было важно, особенно учитывая, что Грей уехал неожиданно, ничего никому не сообщая и не получив разрешения. Более десяти лет он работал на «Сигму», секретный отряд, связанный с УППОНИР – Управлением планирования перспективных оборонных научно-исследовательских работ Министерства обороны США. Грей и его товарищи по работе служили раньше в отрядах специального назначения и в силу тех или иных причин службу прекратили. «Сигма» тайно их завербовала. Обладая исключительными способностями, они прошли переподготовку по разным специализациям и стали агентами Управления, защищавшего США и всю планету от всевозможных опасностей.

Личное дело Грея гласило, что он специализируется на физике и биологии. На самом же деле Пирс получил более глубокую подготовку, проведя много времени с непальским монахом, который учил его искать во всем равновесие, даоистскую философию инь и ян.

Именно это в свое время помогло Грею примириться с собственным непростым детством. Его всегда разрывали противоположности. Мать, преподаватель католической гимназии, прививала Грею глубокую духовность. В то же время она была высококвалифицированным биологом и преданным адептом эволюции и научного подхода.

А отец... Уроженец Уэльса, живущий в Техасе, суровый нефтяник, ставший инвалидом в расцвете лет и вынужденный превратиться в домохозяйку... В отцовской жизни царили упрямство и гнев.

И эти злополучные черты унаследовал его бунтарь-сын.

Спустя долгое время Грей при помощи Пейнтера Кроу, возглавлявшего «Сигму», постепенно нащупал путь между этими крайностями. И еще не полностью его преодолел.

Несколько лет назад его мать погибла, когда во время борьбы «Сигмы» с террористической организацией, известной под названием «Гильдия», произошел взрыв.

Грей не имел оснований упрекать себя. И все же до сих пор боролся с чувством вины.

А вот со смертью отца дело обстояло совсем иначе. Грей напрямую приложил к ней руку. Отец не мог передвигаться самостоятельно, ему становилось все хуже, он томился в отупляющем тумане болезни Альцгеймера и постепенно терял себя. В конце концов, повинаясь туманной просьбе отца («Дай мне слово...»), Грей вколол ему смертельную дозу морфия.

За эту смерть он не чувствовал вины, но и смириться с ней не мог.

Сейхан подсказала ему путь к спасению, уговорив на время оставить свои обязанности и сбежать от всего и всех.

Раньше она была киллером и работала на Гильдию. После нескольких стычек Пейнтер Кроу перевербовал ее для «Сигмы». Сейхан сыграла решающую роль в разгроме Гильдии, однако из-за прошлых преступлений обречена была всю жизнь остаться в тени. Во многих странах она значилась в списках особо опасных преступников, а «Моссад» распорядился своим агентам убить ее на месте, не предпринимая попытки задержания.

«Сигма» до определенной степени обеспечивала ее безопасность, но полностью скрыться от своего прошлого Сейхан не могла.

Они сбежали вместе, исцеляя и открывая себя и друг друга. Никто не пытался связаться с ними, даже после того как Грей не явился на похороны отца. К его потребности исчезнуть отнеслись с уважением. Девять месяцев они путешествовали с поддельными паспортами, но Грей не питал иллюзий: он понимал, что «Сигма» следит за ними по причинам как профессионального, так и личного характера. Отряд во многих отношениях был семьей.

Грей испытывал благодарность за то, что ему дали передышку.

Я заслужил.

И все же в глубине души он знал: все это – иллюзия, краткая отсрочка перед неминуемой встречей с реальным миром. В последнее время Пирс все сильнее чувствовал какой-то неясный гнет, неведь откуда идущее напряжение. Не предчувствие близкой опасности, а скорее ощущение, что передышка подходит к концу.

Сейхан чувствовала то же самое и становилась все мрачнее и беспокойнее. Будь она львицей – металась бы по клетке. И еще кое-что Грей точно знал: она не боялась конца этого путешествия, а с нетерпением ждала.

И я жду.

Пляжную идиллию нарушил рокот.

Грей сел и выпрямился. Дыхание участилось. Его научили реагировать мгновенно. Непосредственной угрозы вроде бы не было, но тело, натренированное долгой службой в терзаемых песчаными бурями пустынях, привычно фиксировало мельчайшие детали. Этот инстинкт впитался в его плоть и кровь. Напряглись крошечные глазные мышцы, расширились зрачки, чтобы видеть как можно больше и действовать моментально.

Три винтовых самолета – судя по всему, «Сессна Караван» – летели над Кайхалулу-бэй по направлению к берегу. Маленькие самолеты часто летали между островами, однако Грея насторожило, что они держатся вместе, словно их пилотируют военные летчики.

– Это не туристы, – сказала Сейхан. Несомненно, она заметила, как напрягся Грей и что привлекло его внимание. – Догадки есть?

Троица приблизилась к острову. Самолетики по бокам рванули вправо и влево, а центральный по-прежнему двигался вперед к бухте. Грей заметил сразу несколько новых деталей. Самолеты оказались не «Караванами», а их ближайшими родственниками, тоже производства «Сессна» – легкомоторными поршневыми «ТТх», невероятно быстрыми. Каждый из этих дьяволов нес между шасси какой-то большой контейнер.

Грей не успел сообразить, что происходит – из контейнеров вытолкнуло черно-серые тучи, которые густым туманом легли на инверсионный след самолета. Сильный тропический ветер погнал эту плотную тяжелую пелену к берегу.

Центральный самолет сбросил остатки своего груза и, не сбавляя скорости, пронесся низко над бухтой. «Наверное, полетит над высотами Кай-юйки-хэд в глубину острова», – подумал Грей.

Вместо этого пилот направил самолет на красные скалы, поросшие лесом.

В воздух взлетели вывернутые взрывом деревья и булыжники. В небо взметнулся огонь, увенчанный столбом маслянистого дыма. Грей прижал к себе Сейхан, одеялом прикрываясь от града сыпавшихся камешков, песка и горящих кусков дерева.

Раскатилось эхо еще двух взрывов: значит, остальные самолеты постигла та же участь. Совсем рядом, у берега, в воду плюхнулся большой валун, взметнув высокую волну.

Грей не сводил глаз с плотной черной тучи, которую гнал к ним порывистый тропический ветер.

Над ближним лесом справа поднялась одинокая белая цапля, всполошенная взрывами. Она летела к бухте, спасаясь от дыма и огня, но, кажется, почувствовала, что от зловещей тучи исходит опасность, и быстрее забила крыльями, пытаясь проскочить сверху.

Умная птица.

Она сумела подняться над полосой тумана – но недостаточно высоко. Вверх взметнулось темно-серое щупальце, словно почуявшее близкую добычу, и цапля отчаянно задергалась из стороны в сторону. Она в ужасе била крыльями, тело содрогалось в конвульсиях, из горла вырвался крик. А потом цапля, крутясь в воздухе, полетела вниз, и ее тело исчезло в густом облаке.

– Ядовитый газ, – буднично промолвила Сейхан.

У Грея возникли сомнения – он обратил внимание на щупальце, потянувшееся к птице. Однако так или иначе они попали в переделку. Сброшенная из самолетов туча образовывала на восточном побережье полосу как минимум в милю шириной.

А мы в самом центре.

Темный туман приближался, и вскоре плеск волн начало заглушать негромкое жужжание.

Нахмурившись, Грей взгляделся в тучу и понял, что та колыхается и клубится вне зависимости от порывов ветра...

Да это же рой!

Что делать? Рой накроет и проглотит их, как ту несчастную птицу.

Пришлось признать очевидное: они в ловушке.

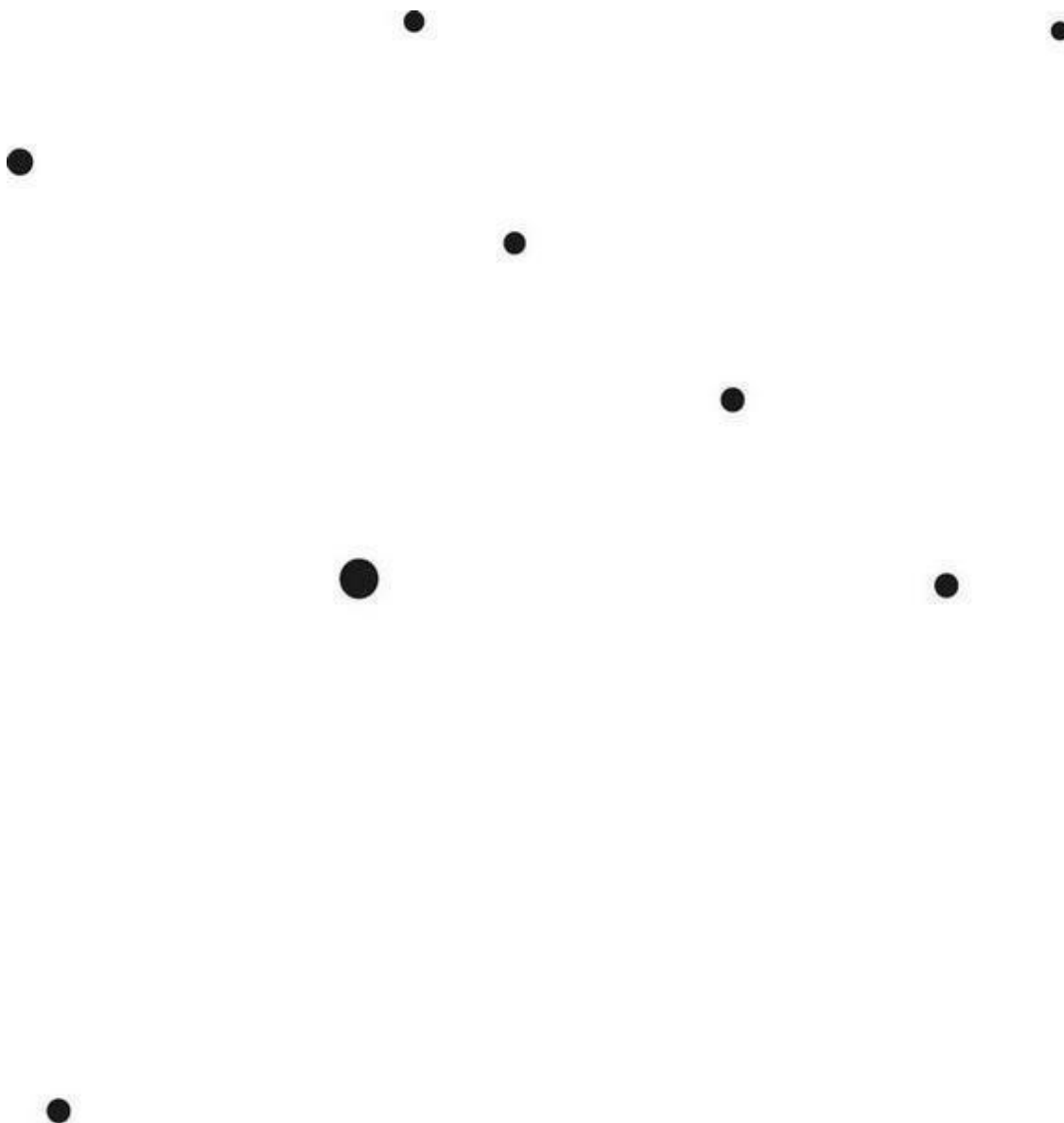
РАЗВЕДЧИК

Его стройное тело было создано для скорости. Он мчался впереди остальных к берегу, и крылышки лихорадочно трепетали в воздухе. Ведомый инстинктом, разведчик был слеп ко всему, кроме того, что было записано в генетическом коде много тысячелетий назад. Поэтому он летел на запах зеленой листвы и пресной воды.

Его телосложение отвечало жизненным задачам. На кончиках длинных усиков располагались тончайшие волоски, способные уловить малейшие вибрации. Занимающую большую часть головы фасеточные глаза не мигая смотрели вперед. Крылышки, возможно, были не очень длинными, зато большой и сильный торакс давал возможность быстро маневрировать. За тораксом находилось брюшко – меньше, чем у сородичей, оснащенное железами для выделения феромонов, но без жала. Разведчик – не воин.

Его короткая жизнь подчинялась одной цели: впитывать сенсорные импульсы. Все тело составляли особые органы чувств – сенсиллы. Он чрезвычайно хорошо улавливал температурные и химические колебания. Волоски даже помогали слышать, хотя с этой функцией лучше справлялись большие мембраны в углублениях по обе стороны головы. Дополнительные сенсиллы в ротовой полости поглощали запахи из воздуха, анализировали еду и воду, а также режущие вокруг феромоны.

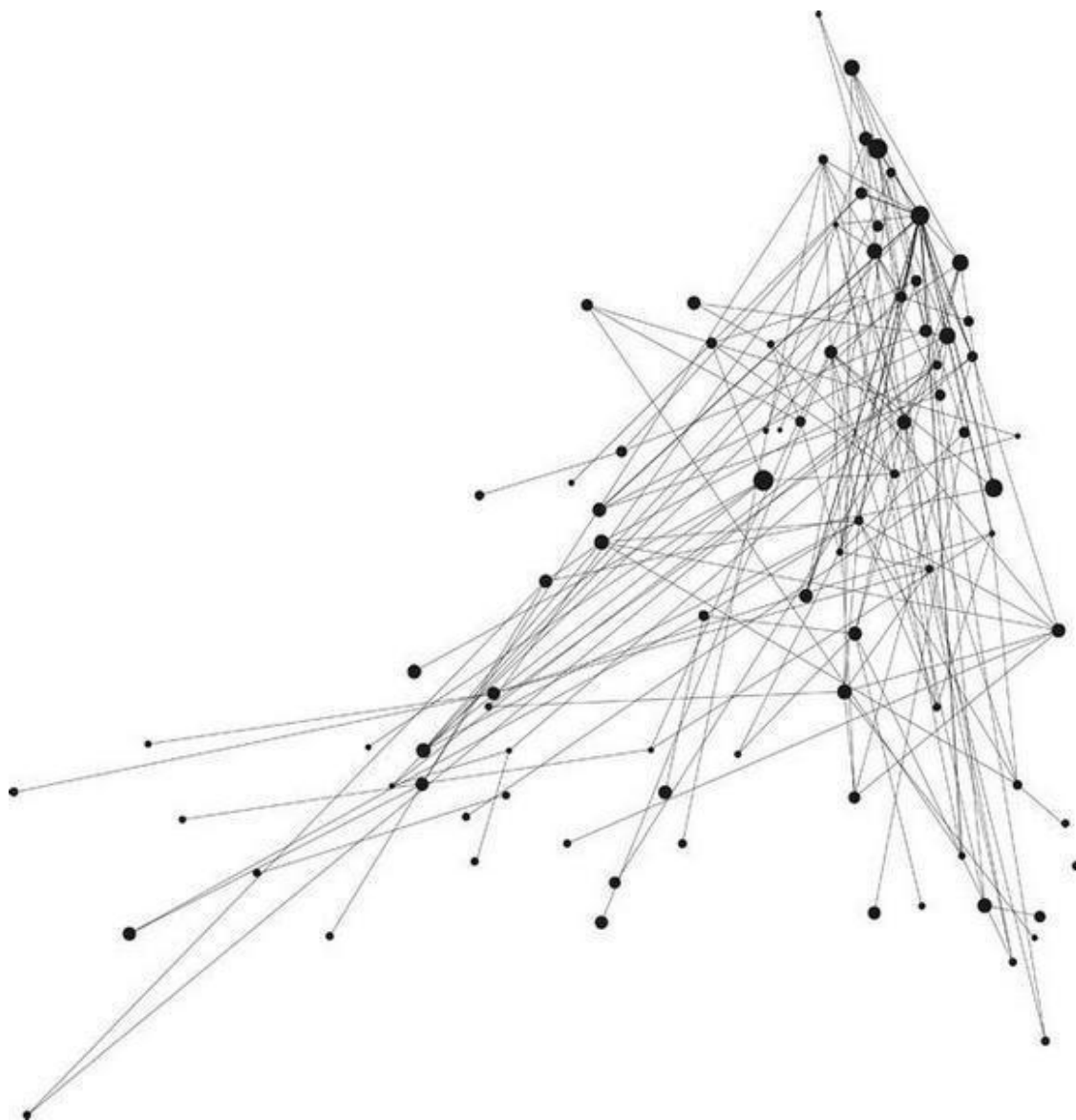
В полете разведчик отслеживал положение ближайших соседей, фиксируя его в мозгу.

Он впитывал все больше и больше информации, пока не был достигнут критический порог. Тело больше не могло удерживать информацию, и она вырвалась наружу, к ближайшим соседям, распространяясь выбросами феромонов. Разведчик мог уточнять сообщение, меняя ритм движения крыльев или шумно потирая задние лапки.

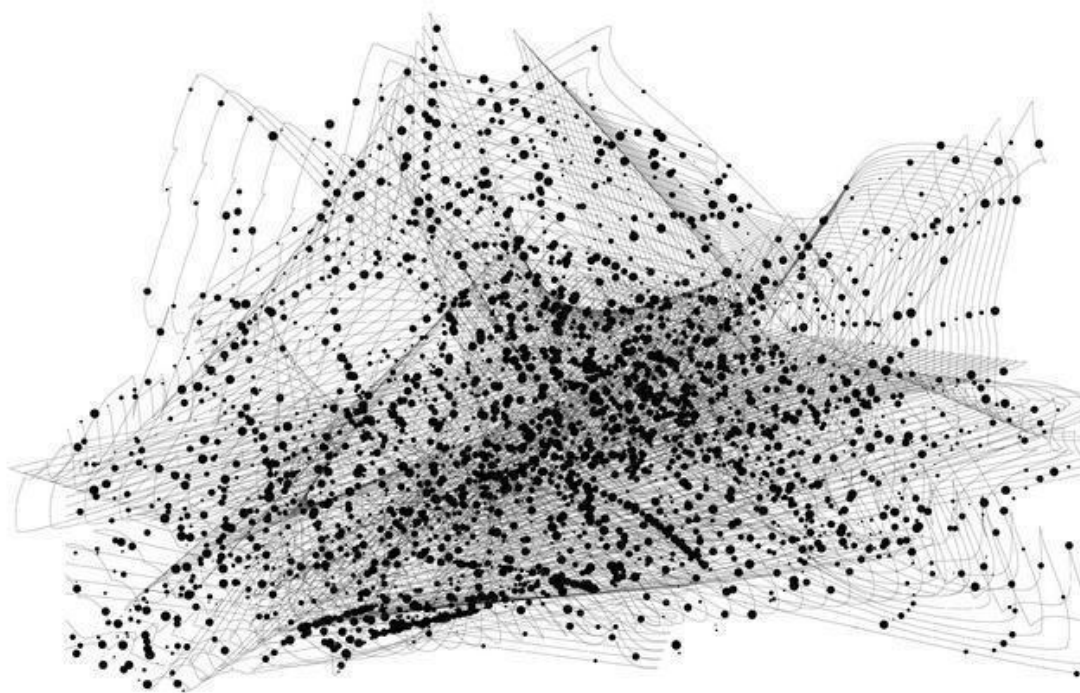

Волна быстро покати́лась назад. Информацию усвоили и распространили.

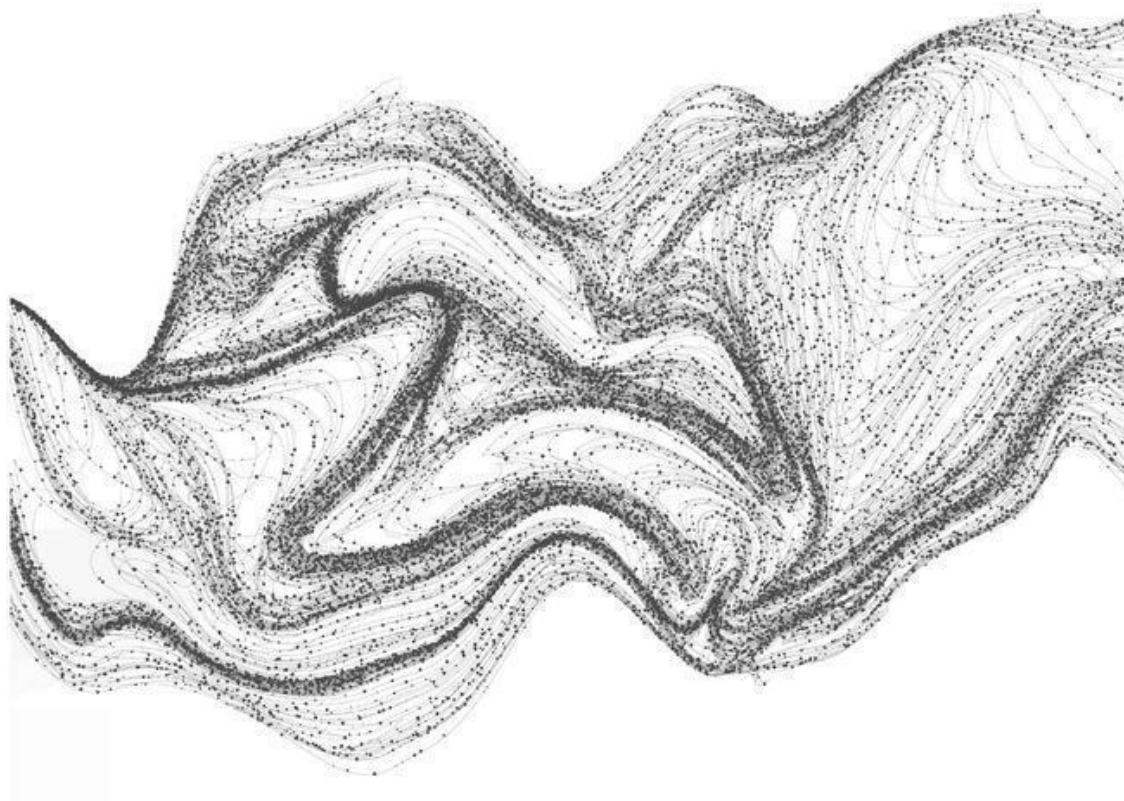

Скоро все знали то, что знал разведчик. А он получил награду за свои усилия, когда обратная волна докатилась до его тела, формируя новый уровень понимания.

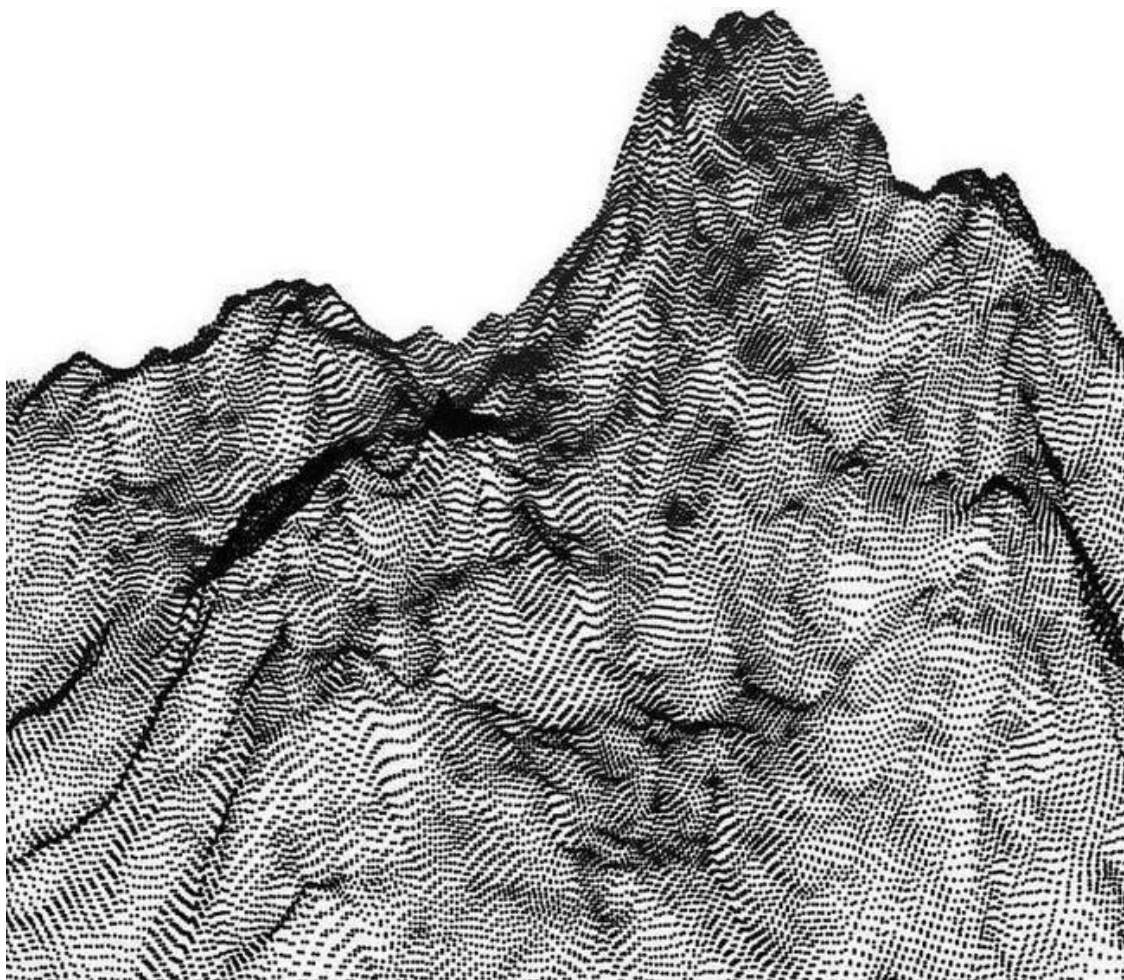
Разведчик утратил всякое чувство индивидуальности.

Он летел вперед. Отдача и реакция все больше усиливались. Теперь по рою гулял вихрь, связывая всех воедино, сплавляя в безупречной гармонии единого стремления.

Рой несся над водой, а впереди все яснее виднелась цель, обрастая новыми деталями. Сквозь фасетки тысяч глаз начала вырисовываться береговая линия. Над перекатывающимися волнами поднималась стена скал.

Рой снижался к месту основания нового гнезда. Запах листвы и гниения усиливался. Здесь уже нашла прибежище другая форма жизни – ощущались ее движения, голоса и даже дыхание. Впрочем, опасности она не представляла.

Роль и смысл жизни разведчика исчерпывались. Он снова влился в рой и теперь летел более медленно и неуверенно. Несколько более мелких собратьев, изнуренных своими обязанностями, поглотила соленая вода.

Они были уже не нужны.

По мере приближения к берегу вперед выдвигалась новая линия особей, формируя передовой отряд. Эта каста выполняла собственную генетически заложенную задачу: оценивать опасности и расчищать путь.

Мимо разведчика пронесся один из этих новых рабочих. Он был намного крупнее: брюшко угрожающе выгнуто, зазубренное жало и наполненная ядом железа наготове.

Отныне за все отвечала каста охотниц. Или убийц.

Вперед вылетели воительницы.

Глава 4

6 мая, 18 часов 34 минуты по гавайскому времени

Хана, остров Мауи

Сейхан понимала, что на счету каждая секунда.

– Не до костюмов, – бросила она, завязывая верх купальника и не сводя глаз с клубящегося роя, который приближался к берегу.

Грей уже надел плавки. За несколько недель солнце покрыло его кожу густым загаром и слегка осветлило угольно-черные волосы. Они отросли и спадали почти до плеч. Голубые глаза теперь выглядели еще более яркими. Он несколько дней не брился, и щетина подчеркивала резкие черты лица.

Грей подхватил из песка баллон для дайвинга, уже прикрепленный к жилету, и перекинул его через плечо. Сейхан взяла маску и второй комплект снаряжения, влезла в жилет, врезавшийся в голые плечи. Затем они вместе побежали по красному песку к воде.

Рой уже перелетел через волнолом. Черная туча растянулась на всю ширину бухты. Гудение превратилось в негромкий гул. Ветром на пляж несло непонятный запах, сладковатый и тошнотворный, словно от лаванды, растущей среди отбросов.

Сейхан передернуло от отвращения.

Грей вздрогнул, опустив голову и замахав перед собой руками.

Что-то с размаху ткнуло в плечо Сейхан. Она опустила взгляд. На бицепсе сидело похожее на осу насекомое. Крылышки гудели, трепеща в воздухе. Насекомое было огромным – величиной с ее большой палец. Черное лоснящееся брюшко пересекали ломаные полоски агрессивного алого цвета. На миг растерявшись от размеров насекомого, Сейхан замерла.

И оно ужалило.

Ее сразу обожгло болью, как будто кто-то сунул горящую спичку в открытую рану.

А потом стало еще хуже.

Задыхаясь, Сейхан упала на одно колено. Под кожей свирепствовала пытка огнем. Казалось, мышцы отрываются от костей.

Грей попытался раздавить осу. Он сумел сломать ей крылышки, но крепкое тельце просто ввинтилось в песок. Упрямое насекомое сразу же выбралось, и Грей уже ногой отшвырнул осу в воду.

Укушенная рука онемела и беспомощно повисла. А боль усиливалась. По щекам текли слезы. Никогда Сейхан так не мучилась. Будь у нее топор, она отсекла бы себе руку.

– Грей... Грей... – выдавила она.

Губы дрожали, дыхание прерывалось.

Он рывком поставил ее на ноги.

– Под воду!

Так они и хотели сделать с самого начала: выбраться из злосчастной бухты с помощью аквалангов.

Ноги не слушались. Сейхан шаталась, разум затуманивался, все вокруг плыло. Она полетела лицом вниз на песок, дергаясь от конвульсий.

Грей подхватил и толкнул ее в воду.

И тут черным градом вниз хлынули осы.

18 часов 37 минут

– Ну же, малышка, держись...

Снаряжение тянуло ко дну. Грей свободной рукой натянул маску на Сейхан, подхватил болтающийся регулятор, наклонил нижний край маски, вдул туда немного воздуха и снова пристроил маску на место.

Сейхан тряслась, но конвульсии, кажется, стихали. Грей внимательно посмотрел ей в лицо, вставляя мундштук между губ. Взяв ее за руку, он с облегчением почувствовал, что пальцы сжались в ответ.

Сейхан приходила в себя.

«Справишься сама?» – спросил он, преувеличенно высоко подняв брови.

Она поняла и кивнула. «Хорошо».

Пирс подхватил собственный регулятор и вставил мундштук в рот. Теперь можно дышать.

Он посмотрел вверх. Солнце почти скрылось, но под водой было достаточно светло, чтобы разглядеть множество черных точек, усеивающих поверхность.

Грей вырос среди холмов Техаса и слышал от соседей истории об африканизированных пчелах. Стоило потревожить гнездо этих убийц, как они открывали охоту. Даже если прыгнуть в пруд или озеро, это не помогало: пчелы висели над водой, выжидая, пока ты высунешь голову, а потом набрасывались снова.

Он посмотрел на рой. Похоже, этот вид придерживался той же тактики.

Нам, к счастью, не придется высовываться, чтобы глотнуть воздуха.

Грей наполнил воздухом отсеки своего жилета, чтобы лучше держаться в воде, затем помог с жилетом Сейхан. Оставаясь на глубине шести футов, они двинулись в сторону открытого моря.

Ему случалось видеть, как Сейхан ранят пулями и ножом; однажды ее даже пронзили копьем. Если она упала на колени от укуса осы, значит, яд был чертовски сильный. Может быть, ужаль они ее еще несколько раз, остановилось бы сердце.

За скалами Каюйки-Хэд вода была светлее. Даже искаженная картинка ясно давала понять: рой еще там. Судя по всему, основная масса распределилась по береговой линии, не спеша идти вперед.

Грей и Сейхан продолжали двигаться прямо вперед, уходя из-под тени роя. Когда солнце закатилось окончательно, следить за поверхностью приходилось, подсвечивая себе светодиодом для подводного плавания. Но свет мог привлечь внимание насекомых. Поэтому плыли, ориентируясь по наручному компасу.

И все же без гидрокостюмов они скоро совсем лишатся сил в холодной воде. Особенно Сейхан. Она постоянно отставала, левая рука беспомощно болталась. Грей понимал, что нужно доставить ее в теплое место, и повернул на юг, к пляжу в миле отсюда. Там, на вулканической скале, стоял их домик.

Тьма сгущалась. Вскоре не стало видно собственных рук. Наконец Грей сдался, достал из нагрудного кармана фонарик и включил. Прорезавшая воду вспышка на миг ослепила.

Перед привыкающими к свету глазами постепенно открывался подводный мир. Внизу во все стороны простирались цепочки рифов. От течения трепетали ярко-желтые и красные морские анемоны, шевелились черные колючие спины ежей. Впереди с их пути бросилась врассыпную стайка гавайских кулий, огибая более медлительного ската. От стены кораллов вдруг могучим ударом хвоста оттолкнулась рифовая акула.

А дальше, там, куда не падал свет, двигались другие тени.

Скорее всего, это морские черепахи – их много водилось в окрестностях Мауи. Однако Грей держался настороже, чтобы не пропустить появления настоящих хищников, шнырявших в этих водах в поисках добычи. У берегов острова на купальщиков и ныряльщиков иногда нападали тигровые и бычьи акулы.

Сейхан сильно отстала. Грей остановился, поджидая, и поднятой рукой с выставленным большим пальцем спросил, всё ли в порядке. В ответ она слабо махнула укушенной рукой. Наверное, худшее миновало, но яд, как и долгий путь под водой, давал о себе знать.

Ее лицо исказилось – от злости, а не от боли: «Шевелись уже, черт возьми! Я догоню».

Грей развернулся и поплыл дальше, однако держась рядом с Сейхан. Упрямство никогда не доводило до хорошего.

Спустя полчаса они наконец приблизились к пологому скату своего пляжа. Грей первым высунулся из воды – как раз когда датчик давления достиг критической отметки. Он убедился, что небо чистое, затем помог Сейхан вылезти на узкий каменистый пляж. Оба с облегчением скинули акваланги.

Сейхан пришлось волочь к высящейся впереди скале. На вершине скалы примостился их домик. Там светилося окно.

Сейхан оттолкнула его руку и упала на колени.

– Иди... – еле вымолвила она.

– Я тебя не оставлю. Если понадобится, понесу.

Грей не был уверен, что действительно способен на это: у самого ноги подгибались.

– Нет. – Сейхан смотрела на него исподлобья, тяжело дыша. – Ста... стадион.

Она махнула рукой на север.

И тут до Грея дошло.

О нет!

Тело напряглось. Волна адреналина помогла твердо встать на ноги.

Утром они припарковали свой «Джип» на Уакеа-роуд, между клубом и спортивным комплексом Ханы: там расположились бейсбольный стадион с новеньким покрытием, футбольное поле, несколько теннисных кортов и баскетбольных площадок. Его спутница еще тогда заметила висящий у входа плакат: сегодня вечером играли команды Малой лиги.

Комплекс находился всего в четверти мили по прямой от красного пляжа в глубину острова.

Грей представил себе, сколько шума создаст игра. Музыка, крики, свет...

– Возьми один из байков, – сказала Сейхан. – Предупреди.

Они арендовали два мотоцикла, чтобы ездить по дорогам, недоступным для автомобилей.

Грей оглянулся на Сейхан. Наверное, его выдавало обеспокоенное выражение лица.

– Я сама приползу домой, – скривилась она. – Может быть, нескоро... Но я предупрежу «Сигму», а они поднимут людей. Иди, пока не поздно!..

Пирс кивнул, признавая ее правоту.

Судя по его часам, до начала матча оставалось десять минут. Ни за что не успеть, но надо хотя бы попытаться. Стиснув зубы, Грей бросился вверх по крутой тропе, ведущей к домику.

Оглянувшись, он увидел, что Сейхан встала на ноги. У нее дрожали колени, но на лице застыла маска решимости. Они встретились взглядами. Оба знали, что Грей спешит навстречу опасности.

Отпуск закончился.

Глава 5

7 мая, 01 час 55 минут по восточному летнему времени

Вашингтон, округ Колумбия

Пейнтер Кроу много месяцев ожидал этого звонка.

Коммандер Грей Пирс всегда умел находить проблемы. Именно поэтому Пейнтер, глава отряда «Сигма», не выпускал блудного агента из поля своего зрения, пока тот кочевал по планете. И все же не мог предсказать, в каком виде придет беда.

Осиный рой?

Десять минут назад Пейнтер закончил разговор с Сейхан и предупредил власти на Гавайях и свое руководство в Управлении. Сев за стол, он на все лады обдумывал возникшую ситуацию, тщательно взвешивая последние слова Сейхан: «Это не случайная причуда матери-природы, а биологическое оружие».

В приоткрытую дверь постучали, прервав размышления. В комнату проскользнула стройная женщина – капитан Кэтрин Брайант, его заместитель. Несмотря на позднее время суток, темно-каштановые волосы были аккуратно уложены в прическу, столь же консервативную, как ее наряд (темно-синий костюм, белоснежная блузка, черные кожаные лодочки). Ярким пятном выделялась только золотая с эмалью брошь на лацкане пиджака: крошечная лягушка – подарок десантников. Кэтрин отправилась с ними на задание военно-морской разведки, и один из товарищей не вернулся. В память о нем Кэт и носила эту брошь.

Пейнтер взял Кэт в «Сигму» аналитиком. Скоро она стала столь же необходима, как высшее руководство. А может, и больше.

– У нас на тех островах проблемы посерьезнее, – начала Кэт, сразу переходя к делу.

– Ты о чем?

Она подошла к столу, включила планшет, который держала в руках. На одном из настенных мониторов возникла топографическая карта Гавайских островов. Кроу отодвинул кресло подальше, чтобы видеть всю картину. Три самых больших острова покрывали красные точки.

– У нас не только нападение на Мауи. – Кэт постучала указкой по красной зоне вдоль восточного побережья, где Сейхан зафиксировала рой. – Поступила информация об аналогичных атаках на Оаху и самый большой остров Гавайев.

Пейнтер вышел из-за стола. Он-то надеялся, что налицо единичный удар – возможно, акция экотеррористов.

Кэт указала на столицу штата, Гонолулу.

– Возле Даймонд-Хэд разбился самолет. Примерно в то же время, что и три других на Мауи. А вот здесь, в Хило, – она перешла к самому большому острову, – из центральной больницы направили запрос на получение неотложной медицинской помощи. Они не справляются с потоком пострадавших. Несколько человек уже умерли.

«Это не случайная причуда матери-природы», – прозвучало в голове у Пейнтера. Да, нападение спланировали.

– С Кауаи и других более мелких островов пока ничего не слышно, – продолжала Кэт, – но мне кажется, это дело времени. Я дала Джейсону задание мониторить все, что касается Гавайев: новости, социальные сети и сообщения о правонарушениях.

– Почему атаквали именно Гавайи? – подумал вслух Пейнтер.

– У нас пока слишком мало данных, чтобы выдвигать предположения. – Кэт внимательно смотрела на карту. – Одна из причин, возможно, отдаленное расположение. Внедрение агрессивного вида не просто несет прямую угрозу людям, а еще и может разрушить замкнутую островную экосистему.

От этой мысли мороз шел по коже. Впрочем, с прогнозами на будущее следовало поворемнить. Решения требовала более насущная проблема.

– С чем именно мы столкнулись? – спросил Пейнтер. – Что выбросили на острова?

– Я связалась с энтомологом Смитсоновского национального зоопарка, доктором Сэмюэлом Беннетом. Он специалист мирового уровня. Судя по описанию Сейхан, в мире мало видов такого размера.

– Хорошо. Важно поскорее выяснить, с чем мы имеем дело.

Одно из главных преимуществ расположения штаба «Сигмы» под главным зданием музейного комплекса заключалось именно в том, что отряд мог напрямую связаться со Смитсоновскими исследовательскими центрами и лабораториями. А еще отсюда «Сигма» легко могла обратиться в кабинеты власть имущих в Конгрессе или Белом доме. Пейнтер знал, что его непосредственный начальник, генерал Грегори Меткалф, уже оповестил облеченных властью и требует немедленных действий.

Но шестеренки вращались слишком медленно.

Именно поэтому возник отряд «Сигма»: чтобы действовать мобильно и точно. Они находились на передовой, отражая угрозы, непрестанно порождаемые развитием технологий. По всему миру появлялись все новые научные достижения – так быстро и непредсказуемо, что Соединенным Штатам понадобилась команда, способная реагировать достаточно оперативно и гибко. Именно к этому сводилась задача «Сигмы»: быть первыми.

У Кэт зазвонил телефон.

– Наш энтомолог, доктор Беннет. Кажется, он работает допоздна.

– Включи громкую связь.

Она кивнула.

– Доктор Беннет, спасибо, что связались со мной так быстро.

– Мне позвонил ассистент и передал ваш срочный запрос, который меня очень заинтересовал. Я нечасто получаю экстренные вызовы из Управления.

– Мы очень благодарны за вашу помощь. Здесь со мной мой шеф, – она кивнула Пейнтеру.

– Вот как? Так что же это за дело?

– Вы получили мое описание осы?

– Конечно. Поэтому-то у меня и был готов ответ. Дело в том, что примерно месяц назад ко мне уже обращались с подобным запросом. Описывали точно такую же осу. Тело длиной более трех дюймов, черное, с алыми зигзагообразными полосами на брюшке.

– Откуда поступил запрос? – придвинулся к трубке Пейнтер.

– Из Японии. От какого-то сотрудника фармацевтической компании... Подождите, я доберусь до рабочего стола и найду его имя в электронной переписке.

Кэт посмотрела на Пейнтера, склонив голову.

Оказывается, «Сигма» не всегда первая.

– Как я сказал тому исследователю, – продолжал Беннет, просматривая почту, – среди *Hymenoptera* не существует вида, соответствующего этому описанию. Больше всего подходит *Vespa mandarinia* – гигантский шершень, достигающий трех дюймов. Но у него черно-желтый окрас. Еще один вероятный кандидат – наш, американский вид. Обитает в Нью-Мексико, охотится на тарантулов. Добрых два дюйма в длину, адское жало. Однако тело имеет однотонный иссиня-черный окрас, а крылья оранжевые.

Пейнтер поморщился от одной мысли, что его могло бы ужалить какое-нибудь из этих насекомых.

– Если б вы добыли мне экземпляр, я мог бы сказать точнее. Возможно, мы имеем дело с гетерохроматической мутацией. Иными словами, это близкий родственник одного из видов, просто с другим окрасом.

– К сожалению, скоро мы сможем предоставить вам для изучения множество экземпляров, – вздохнула Кэт.

– Я был бы очень рад получить... А, вот письмо! – Беннет прокашлялся. – Имя исследователя – Кен Мацуи. Судя по заголовку письма, он профессор кафедры токсикологии Корнеллского университета.

– Если не ошибаюсь, вы сказали, что запрос поступил из Японии, – Пейнтер нахмурился.

– Именно так. По-моему, он получил грант от фармацевтической компании «Танака»... Пишет из их центрального офиса в Киото. Могу переслать вам контактные данные.

– Если вас это не затруднит, – попросила Кэт.

Поблагодарив Беннета, она завершила вызов и повернулась к начальнику.

– Что скажете?

– Кто-то явно столкнулся с этим видом задолго до сегодняшнего нападения. – Пейнтер снова сел в кресло. – Нужно как можно скорее связаться с этим профессором.

– Я займусь. – У порога Кэт задержалась. – Что у Грея и Сейхан?

– Пока что они предоставлены сами себе. Службам спасения понадобится некоторое время, чтобы начать действовать.

– А наш человек на Гавайях?..

Пейнтер вздохнул. В течение последних девяти месяцев он не только держал в поле зрения поездки Грея, но и посменно рассылал сотрудников «Сигмы» по пути его следования. Сначала муж Кэт, Монк Коккалис, работал в Париже, завершая вместе с Интерполом дело о контрабандистах, торговавших животными. В случае необходимости он мог быстро добраться на юг Франции к Грею. Затем Пейнтер связался с Такером Уэйном, совладельцем сафари-парка в Южной Африке, и попросил быть наготове, если вдруг Грею понадобится помощь во время странствий по этому опасному континенту. И так далее. Возможно, Пейнтер впустую тратил человеческие ресурсы, но когда речь шла о Грее, можно было не сомневаться: рано или поздно он найдет себе проблемы.

Или они сами его найдут.

Никаких срочных дел у «Сигмы» на Гавайях не было, однако перспектива провести несколько недель на курорте привлекла многих. К несчастью, карты выпали неудачно.

– Ковальски на другой стороне Мауи, – промолвил Пейнтер. – Я ему сообщил, но пройдет час, пока он доберется до вертолета и прилетит на место.

– Что ж, тогда Грею и Сейхан пока делать нечего.

– Ну, Грей вряд ли будет бездействовать.

– То есть бросится грудью на амбразуру...

– В этом ему нет равных, – Пейнтер криво усмехнулся.

Глава 6

6 мая, 20 часов 02 минуты по гавайскому времени

Хана, остров Мауи

Припав к мотоциклу, Грей мчался на север по дороге к Хане, нимало не заботясь о том, что вдвое превышает допустимую скорость. Футболку полоскал ветер. Толком одеться Пирс не успел – так и остался в трусах, – а босые ноги сунул в старые походные ботинки, валявшиеся на веранде домика.

Подъехав к универмагу «Хасегава», он ударил по тормозам, заметив впереди длинную вереницу габаритных огней. Скоро стала ясна причина затора.

Сквозь шлем было слышно, как воют сирены. Сердце подпрыгивало и бешено колотилось.

Неужели опоздал?

Он срезал путь по примыкавшему к церкви газону и понесся на шум и мигалки. Бейсбольный стадион находился всего в паре сотен ярдов, где дорога упиралась в местный медицинский центр. На главной парковке выделялась пожарная машина, рядом стояли несколько автомобилей полиции и «скорой помощи». В небе промчался желтый вертолет.

Грей притормозил и спрыгнул на землю, мотоцикл повалился на бок. На тротуарах толпились прохожие, глазеющие на суету спасателей. Растерянные родители держали рядом детей, некоторые из которых были в форме играющих команд. На переполненных трибунах стадиона все стояли спиной к полю и смотрели на автомобили.

Окрестности превратили в импровизированную площадку для пикника. Рядом, на Хау-оли-роуд, выстроилась вереница передвижных закусочных. Там продавали мороженое и хот-доги. В динамиках грохотала гавайская музыка, заглушая вой сирен.

Сквозь стоящую полукругом толпу Грей пробирався к парковке медицинского центра. Он искал кого-нибудь из представителей власти, но в то же время поглядывал на небо. Никаких следов роя. Да и люди поблизости выглядели не испуганными, а скорее заинтригованными.

Если рой не прилетел, зачем здесь пожарные, врачи и полиция?

Он проводил взглядом вертолет, который облетел лесок за клубом и направился в сторону Каюйки-Хэд. Луч света выхватил тонкую струйку дыма, поднимающуюся в темное небо.

Грей поморщился, вспомнив, как «ТТх» врезались в гору. Теперь он понял, что здесь делают бригады экстренных служб. Конечно же, все это волнение вызвали три разбившихся самолета.

И по этой же причине отменили бейсбольный матч, но пришедшие на него загодя болельщики остались и наблюдали теперь за развитием событий.

Идеальный сценарий катастрофы.

Грей побежал сквозь сутолоку, мимо намертво вставших в пробке автомобилей. Один из водителей пытался перекрычать кого-то впереди и в качестве последнего довода начал сигналить, усиливая какофонию.

Привлечет вся эта суматоха рой или отпугнет?

В конце концов он добрался до парковки и направился к темнокожему сидящему крепышу в синих брюках и крахмальной рубашке с большой бляшкой. Через плечо у него была перекинута ярко-желтая куртка – такого же цвета, как стоящий рядом автомобиль. Наверное, начальник местной пожарной службы. Над ним нависал высокий гаваец в мешковатом пожарном снаряжении.

Сжимая в руке рацию, пожарный склонился к начальнику, и до Грея донесся обрывок разговора:

– ...опустился и осмотрел обломки. Говорит, что тела не обнаружил.

– Выходит, пилот катапультировался перед столкновением?

– Наверное, – пожал плечами пожарный.

Грей догадывался, что все произошло иначе: скорее всего, разбились беспилотники. Он знал, что у «ТТх» очень хороший автопилот – но недостаточно совершенный для такого маневра. Если только инженеры не поработали над самолетами дополнительно...

Пирс подошел поближе, привлекая внимание пожарных, и стащил с головы шлем.

– Там вообще не было пилота.

Его смерили пренебрежительным взглядом. Немудрено – небритый, взлохмаченный, в одной футболке, трусах и походных ботинках, подошедший мужчина не выглядел надежным источником информации. А еще Грей знал, как недоверчивы бывают местные, имея дело с *хаули*, чужаками.

– Я был на красном пляже, когда разбились те самолеты, – быстро заговорил он, пока от него не отвернулись. – Грей Пирс, бывший рейнджер, сейчас на внештатной службе в УППО-НИР Минобороны.

Не совсем точно, но достаточно близко к правде.

Начальник, словно не замечая протянутой для пожатия руки, продолжал смотреть на него скептически, однако во взгляде пожарного появилось уважение.

Грей опустил руку.

– Проблема посерьезнее самолетов. И опаснее любого пожара. Эти самолеты разбились преднамеренно – предварительно выпустив из них рой ос.

– Ос?

Начальник демонстративно закатил глаза.

Теперь оба собеседника пришли к выводу, что чужак обкурился травы – она была здесь чуть ли не основой местной экономики.

– Огромные осы, в жизни таких не видел! – Грей отчаянно искал слова, чтобы объяснить опасность. – Я был на пляже с женщиной, так ее оса укусила. И ее почти сразу парализовало! – Он махнул рукой на мальчиков в бейсбольной форме; они стояли через дорогу, болтая и смеясь. – Думаю, всего один-два укуса могут оказаться смертельными...

Терпение начальника лопнуло.

– Нам некогда слушать всякую чушь, – бросил он, выставив перед Греем ладонь. – Палу, уйди отсюда этого придурка.

Подчиненный замаялся и даже посмотрел на небо.

– Я понимаю, как это все звучит, но вы должны мне поверить. – Теперь Грей обращался только к пожарному, зная, что начальник уже не слушает. На военной службе Пирсу приходилось сталкиваться с упрямыми командирами, такими заносчивыми, что они отказывались смотреть дальше своего носа.

Казалось, Палу заколебался.

– Шеф, может, хотя бы проверим его слова?..

– У нас не так много людей, чтобы позволить себе гоняться за...

В руке Палу затрещала рация. Из крошечных динамиков доносились отчаянные крики.

– «Первый», «Первый», повторите, – сказал Палу и склонил голову, ожидая ответа.

Но ответ пришел с неба.

Над головами появился желтый вертолет с надписью «Пожарная служба». Он отчаянно дергался взад-вперед, а потом рухнул в лесок за клубом. Музыку и сирены перекрыл приглушенный взрыв. Толпа замерла. В небо взметнулся столб пламени.

И его свет на миг выхватил из темноты нависшую над лесом тучу – волну, готовую обрушиться на город.

Грею оставалось лишь констатировать очевидное:

– Поздно. Они уже здесь.

ВОИТЕЛЬНИЦА

Взмахивая двумя парами мощных крыльев, воительница парила в арьергарде роя. Настороженно жужжа, она оценивала лежащую впереди местность и потенциальные угрозы. Ряды спиралек – крошечных предназначенных для дыхания дырочек по всей длине брюшка и торакса – злобно вибрировали. Уроженкам ее касты этот свистящий сигнал служил боевым кличем.

Сестры-воительницы строились в авангарде роя, обмениваясь сигналами с помощью звуков и феромонов. Все усики указывали вперед, вращаясь у оснований, пробуя на вкус приносимые ветром запахи.

«Сладкий...»

«Соленый...»

«Запах плоти...»

Ожидая вместе с другими, воительница наклонила одиннадцать сочленений на кончиках усиков, вводя в свой мозг новую карту запахов. Перед ней вздымалась какая-то клубящаяся масса, обещающая рою много еды.

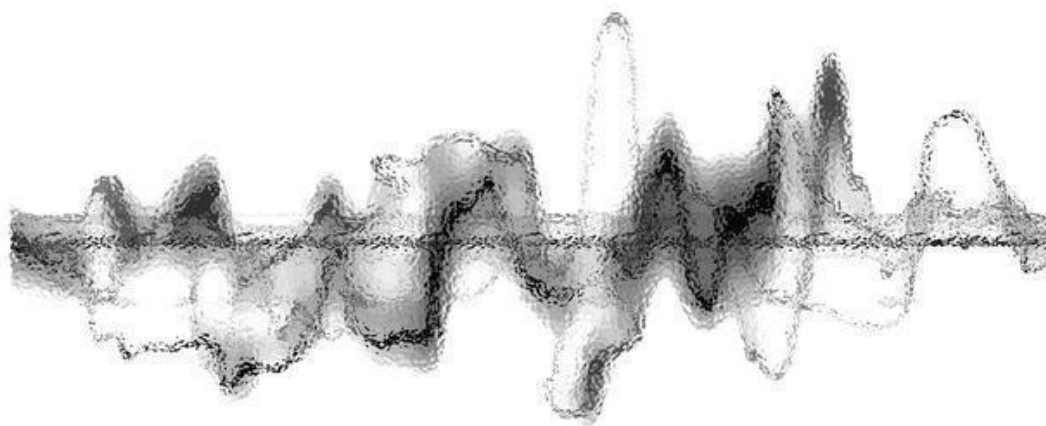
Смесь запахов дразнила ее аппетит, который, в свою очередь, запускал гормоны агрессии. Мышцы брюшка сжались, выдвигая острия из желобков по обе стороны жала.

В последний раз взмахнув антеннами, она сосредоточилась на источнике восхитительного аромата.

Инстинкт требовал: завладей! То же самое чувствовали и сестры.

Держа связь между собой, воительницы как одна отделились от роя. Устремившись вниз, они все больше сближались, превращаясь в черную стрелу, летящую к цели.

Вибрируя, широкие мембраны над впадинами по обе стороны головы улавливали бесчисленные звуки, пронзающие туман запахов. Грозный гул роя, в свою очередь, катился вперед и возвращался, принося еще больше информации о лежащей впереди местности. С каждым взмахом крыльев воительница узнавала все больше и делилась с другими, а они – с ней. Из звука и эха начали сплетаться объекты и формы.

Отдельная особь и одновременно армия, единая и многоликая, она приближалась к источнику всех этих запахов. Ничто не могло остановить движущий ею тысячелетний инстинкт к завоеванию территорий. Вплетенная в генетический код память предков не оставляла места для страха. В былые времена ее сестры повергали куда более грозных врагов, нежели те, что до сих пор встречались им на этой земле.

И все же, готовясь к битве, воительница задействовала еще больше органов чувств. Два больших черных глаза, разбитых на сотни шестиугольных фасеток, изучали лежащее впереди. Она воспринимала цвет и форму, хотя на самом деле глаза служили другой цели: улавливать движение.

Воительница неслась сквозь пелену запахов и ароматов, а взгляд различал все рывки и подергивания вокруг. Мозг находил в этом хаосе векторы и волны. Так она могла калибровать увиденное по степени угрозы.

Тех, кто убегал с дороги, она не принимала во внимание. Непосредственной опасности они не представляли.

Зато она знала, что должна убирать со своего пути все, что его преграждает. Всех, кто бросает вызов ее абсолютной власти.

Ее внимание привлекло движение впереди. Что-то ринулось ей навстречу.

Воительница сосредоточилась, готовясь к столкновению, подхлестывая свой гнев, закипая. Сквозь бурю движения, уловленную органами чувств, прорвался образ противника. Она все еще видела скорее тень, нежели форму.

Усики уловили вспышку тревоги, всплеск феромонов: слева раздавили одну из сестер. Привлеченные смертью, по феромонному следу ринулись другие, намереваясь удесятерить силу своего яда и уничтожить причину смерти соплеменницы.

Она не обратила на это внимания, сосредоточившись на надвигающейся опасности. Образ стал более отчетливым.

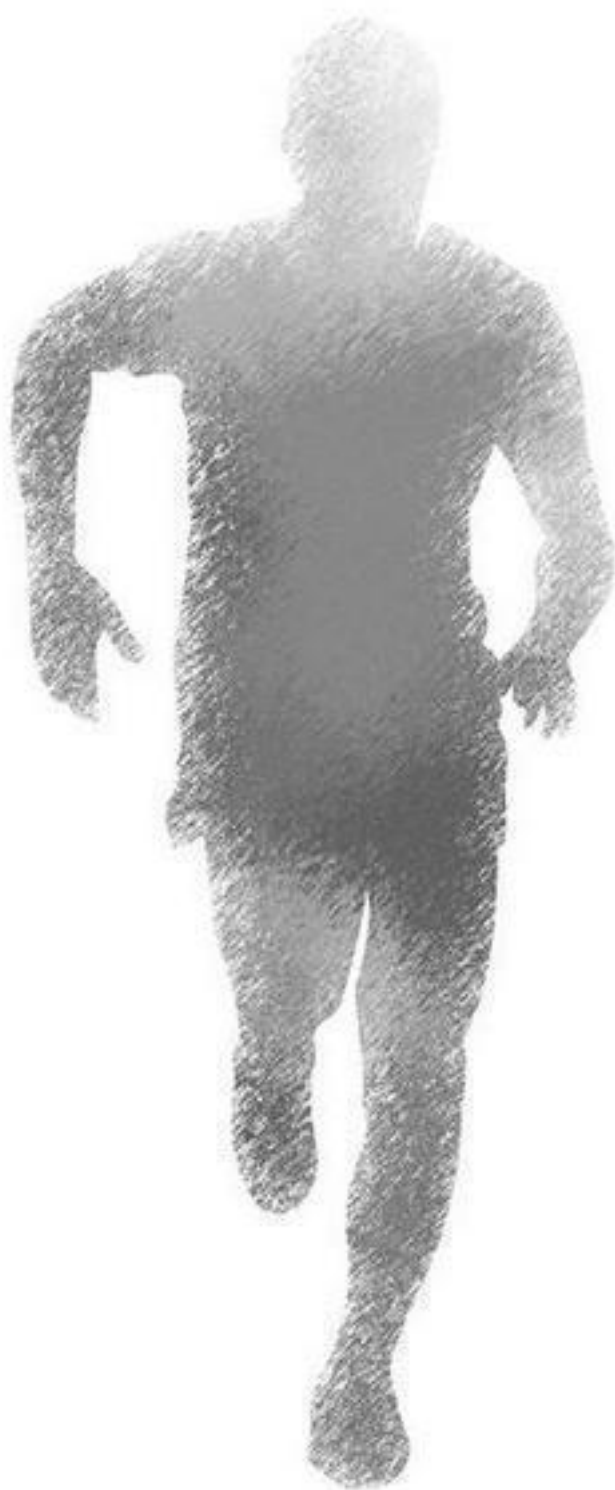

Воительница оценивала силуэт, выбирая оптимальную зону для нападения, чувствуя соленый запах пота и крови. Инстинкт вел ее на углекислый газ, выделяемый легкими. Миллиарды лет опыта, вписанные в генетический код, научили направлять яд именно туда.

Согнув брюшко, она взяла жало на изготовку.

Угроза быстро приближалась.

Воительница опустила голову, выгнула крылья и устремилась вниз.

Глава 7

6 мая, 20 часов 22 минуты по гавайскому времени

Хана, остров Мауи

На бегу Грей опустил щиток мотоциклетного шлема – и как раз вовремя: огромная оса врезалась в щиток на такой скорости, что поликарбонат зазвенел. Улетать она явно не собиралась: яростно взмахивая крылышками, прочно вцепилась в поверхность всеми своими шестью лапками в дюйме от его носа. Вооруженное жалом брюшко снова и снова тыкалось в щиток, да так сильно, что ясно слышалось постукивание. *Словно упрямый дятел на дереве.*

Грей скосил глаза, оценивая врага с близкого расстояния.

И сразу же его парализовал глубинный ужас, как будто эта угроза что-то всколыхнула в генетическом коде. Возможно, так оно и было. Грей когда-то читал, что страх может влиять на ДНК человека и путем эпигенетических изменений передаваться из поколения в поколение в качестве инстинкта защиты от смертельно опасных хищников.

Острое жало в добрую четверть дюйма длиной по-прежнему билось о щиток.

И тут на шлем тяжело опустилась рука в грубой перчатке. Осу смахнули. Обернувшись, Грей увидел Палу, который протягивал ему серебристое противопожарное одеяло.

– Закутайтесь и бегом в укрытие!

Грей накинул на плечи легкую материю, прихватив ее одной рукой возле горла. Одеяло доставало лишь до колен, лодыжки остались голыми. Что ж, и на том спасибо.

Палу облачился во всю свою амуницию. Кроме желтых штанов, куртки и каски он натянул балаклаву с респиратором и прозрачной маской, закрывающей лицо. Незащищенных участков кожи почти не осталось. Взяв на плечо какой-то белый шланг, пожарный свободной рукой махнул на местный центр здравоохранения.

– Быстрее!

Грей посмотрел туда. На парковке в своей машине сидел начальник пожарной службы, поднеся ко рту портативный радиоприемник. Из-за дверцы звучал раскатистый голос:

– Укрывайтесь где можете! В машинах, домах, медицинском центре! Нельзя находиться вне помещений!..

Слишком поздно. Люди разбегались во все стороны. Повсюду царили хаос и ад в ритме гавайской музыки, надрывавшейся на стадионе. В какофонию вплетались крики, плач и ругань.

Неся на плече дочурку, мимо пробежал мужчина, отмахивавшийся от преследующего их отряда ос. Девочка рыдала, причем не только от страха: на щеке у нее вздулся большой красный волдырь. Отец налетел на дверцу автомобиля, и сидевший внутри добряк крикнул, чтобы они забирались внутрь.

Повсюду Грей видел одно и то же. Дома и машины наполнялись людьми, но все же слишком многие еще оставались в опасности на улицах и в парке. На тротуарах корчились тела. Родители накрывали собой детей от несущейся вниз тучи ос.

Горстка оказавшихся здесь спасателей пыталась помочь. Пока они тащили в убежище кого могли, их кусали. Впрочем, спасателей было слишком мало, а в помощи нуждались слишком многие.

И все же они не сдавались.

– Бегом! – скомандовал Палу, опуская носик шланга, тянувшегося к резервуару пожарной машины.

Дальше по улице другой пожарный подсоединил шланг к гидранту, а третий гаечным ключом пытался открыть вентиль.

Высоко взметнулся столб воды. Пожарный отчаянно повел шлангом, пытаясь распугать осиный рой, но с таким же успехом можно было тушить лесной пожар водяным пистолетом.

У Грея в душе крепла холодная решимость.

Надо выиграть для них время.

Схватив Палу за локоть, он прокричал, указывая на резервуар:

– Там у вас пена?

Палу кивнул.

Как и надеялся Грей, у пожарных была компрессионная пена – сокрушительное оружие, способное побороть огонь.

И, надеюсь, не только огонь.

– За мной! – крикнул Грей.

С его серебристого одеяла соскользнули несколько ос. Похоже, блестящая ткань пока защищала.

Грей перебежал через Уакее-роуд к месту, где он оставил мотоцикл, молясь, чтобы шланг Палу оказался достаточно длинным. Великан-гаваец старался не отставать, изо всех сил упираясь ногами, чтобы тащить тяжелый белый шланг. Пирс прибавил ходу, надеясь, что Палу догонит, добежал до киосков, выстроившихся вдоль Хауоли-роуд, и свернул к тому, где торговали фруктовым льдом. Сейчас внутри киоска набились дети и взрослые.

– Здесь больше нет места! – прокричал хозяин сквозь сетчатую дверь.

Гигантские осы облепили ячейки, норовя перегрызть тонкую проволоку, чтобы пробраться внутрь.

– Мне и не нужно, – выдохнул Грей и перебежал к раздаточному окошку. – Дайте ваши бутылки с сиропом.

– Что?

– Делайте, что говорят!

Грей оглянулся на расплюснутый стаканчик мороженого, валяющийся в нескольких шагах отсюда на траве и облепленный плотной массой ос.

Окошечко приоткрылось, и в руки ему сунули бутылку сиропа с черничным наполнителем. Коммандер взял ее и швырнул, как коктейль Молотова. Она перелетела через высокий забор и разбилась на асфальтовой дорожке пустого теннисного корта.

– Давайте еще! – крикнул он, обернувшись к киоску.

Ему передавали одну бутылку за другой, а Пирс швырял их на корт. Скоро его усилия увенчались успехом: осы полетели в том направлении, на запах сладкого.

Хитрость сработала. Грей с детства помнил, что надоедливые шершни, осы и пчелы часто кружат над семьями, выбравшимися на пикник. Отец Грея однажды чуть не проглотил шершня, который пробрался в банку с пивом. Наверное, эти создания не очень отличались от своих более мелких сородичей. Кто же не любит сладкое?

И даже небольшая помощь могла дать спасателям время доставить в укрытие больше людей.

– Закончились! – крикнул хозяин.

Кивнув, Грей отбежал на несколько шагов к Палу.

– Подождите, пока их больше слетится на теннисный корт. А потом врубайте пену.

– Ну ты и *лоло бугга!* – сказал Пол на местном наречии. Судя по широкой улыбке, действия Грея произвели на него впечатление. – А сейчас убирай свою *околе* куда-нибудь в безопасное место!

– Еще не время.

Высоко над головой пронесся вихрь ос.

Возможно, не все из этих тварей – сладкоежки...

Плотнее закутавшись в одеяло, Грей бросился к другому киоску с нарисованным на стенке танцующим хот-догом. Здесь он повторил свой маневр, на этот раз бросая разорванные упаковки с сосисками на ближайшую баскетбольную площадку.

Коммандер расшвыривал последние упаковки, когда справа просвистела тугая струя пены. Палу, опустившись на одно колено, прицелился наконечником шланга в теннисный корт и поливал круживших там ос, прибывая их к земле вместе с копошившимся ковром из тех, кто пировал среди разбитых бутылок.

– Братуха, я с ними разберусь! – крикнул он, заметив Грея. – Вали отсюда!

Пирс хотел придумать что-то еще, когда на голую лодыжку опустилась оса и ужалила. За первой волной боли сразу накатилась вторая – и заставила действовать. Походным ботинком он смахнул осу с ноги и попытался раздавить, но ее это, казалось, лишь раззадорило. Насекомое принялось карабкаться по ноге, чтобы наконец вступить в настоящую схватку.

А ужаленная нога тем временем превратилась в полыхающий столб.

Грей припустил, точнее, быстро захромал по улице. То ли осы почувствовали страх, то ли их привлек запах собрата, но они буквально набросились на него. Шлем звенел от столкновений, тела ос ударялись об одеяло.

Боль поднялась до самого бедра. Стиснув зубы, Грей с трудом дышал. Все расплывалось от слез. Океан боли. Хотелось упасть на землю и выть.

И все же он заставил себя идти дальше, не сводя глаз со стеклянной двери медицинского центра. Огромное расстояние...

Мне нипочем не добраться.

Правая нога перестала слушаться. Падая, Грей привалился к «Форду». Набившиеся внутрь люди смотрели на него с жалостью, но места в машине не было.

Все номера в отеле заняты.

Он оттолкнулся от машины и кое-как зашагал к медицинскому центру. Однако высовывать из-под одеяла руку было ошибкой. На запястье тут же опустилась оса. Грей стряхнул ее и, окончательно потеряв равновесие, повалился на обочину. Падение лишь привлекло новых ос.

Несколько мучительных секунд Пирс катался по дороге, охваченный страхом. Вдруг перед глазами все побелело. Понадобилось сделать глубокий вдох, чтобы понять, что шлем и почти все тело облеплены пеной. Кто-то рывком поставил его на ноги.

Грей вытер щиток шлема. Рядом стоял Палу.

– Убираемся отсюда!

Грей не видел причин спорить.

Поддерживая его, пожарник свободной рукой по-прежнему направлял шланг на ос. Поравнявшись с баскетбольным полем, он выстрелил пеной по живому ковро, поглощающему груды сосисок.

И вдруг шланг поперхнулся, а тугая струя превратилась в капель.

Наверное, закончилась пена.

Палу бросил шланг и крепче обхватил Грея, готовясь сделать последний рывок к медицинскому центру. И тут послышался новый звук: громкий упрямый лай.

Слева на бейсбольном поле под домашнюю базу забился лохматый терьер. Проследив взглядом за красным поводком, мужчины увидели мальчугана, скрючившегося у заборчика. Голова мальчика беспомощно болталась, изо рта шла пена, руки и ноги подергивались.

Анафилактический шок...

Чтобы добраться до ребенка, нужно было описать круг – обойти забор. Эта попытка могла стоить жизни.

Сперва Палу хотел удержать Грея – наверное, он тоже понимал, что ничего не выйдет. И все же, выругавшись, последовал за товарищем по несчастью.

Нам не успеть.

У мальчика уже прекратились конвульсии. Собачий лай превратился в жалобный вой.

Грей хотел ускорить шаг, однако адреналин и отчаянная решимость не могли смягчить жгучую боль. На каждом шагу наперерез мужчинам бросались осы. Выставленные из-под оде-

яла ноги Грея почти полностью покрывала пена. И все же одна особенно упорная оса пробуравила толстый защитный слой и впиалась в тонкую кожу под левым коленом.

Пирс вскрикнул от новой вспышки боли.

А рядом Палу, в свою очередь, закричал и хлопнул себя по животу – должно быть, одна из тварей проползла под куртку. Растерявшись, Палу отпустил Грея, и тот упал. Гаваец рывком распахнул куртку и согнал насекомое, но боль нарастала. Он опустился на четвереньки.

Теперь оба они оказались на земле. У Пирса тряслись руки и ноги, отравленные осиным ядом. Коммандер бросил взгляд на мальчика и встретился глазами с терьером.

«Мне жаль, приятель, – сказал он в ответ на безмолвную мольбу в собачьем взгляде. – Мы ничего не...»

И вдруг дальше на стадионе возникло еще какое-то движение. Упавшая с неба густая тень, извиваясь, тянулась к возвышению для подающих.

Грей моргнул, пытаясь понять, что это такое.

Веревка!

А над ней нависало что-то широкое и темное. Вертолет, круживший над полем без огней – чтобы не привлекать внимание ос. Массивный силуэт скользнул по веревке и ступил на землю, топнув ногами в тяжелых ботинках. Великан выпрямился. Он был одет в гидрокостюм, шапочку и маску, а на спине болтался акваланг. Сквозь прозрачное окошечко маски на мир хмуро смотрела знакомая физиономия.

Грей не мог понять, откуда здесь взялся этот человек, но разбираться не стал. Набрав воздуха, он что есть сил заорал:

– Ковальски, ребенка хватай!

21 час 17 минут

Спустя двадцать минут Пирс стоял по ту сторону запертых стеклянных дверей медицинского центра и смотрел на побоище. На футбольном поле и дальше он насчитал больше десятка распластанных тел. Скорее всего, жертв было больше, просто он не всех видел.

Начали прибывать команды спасателей с защитным снаряжением, но ситуация по-прежнему оставалась ужасающей. Над парком и опустевшими улицам вихрями носились осы, а основная их масса кружила чуть выше.

Подошел Ковальски.

– Врач говорит, что мальчуган выкарабкается. Пес – тоже.

– Спасибо, что прилетел вовремя.

У Грея перед глазами до сих пор стоял похожий на гориллу человек, перекинувший ребенка через плечо и схвативший терьера за шкуру. Он помог Грею и Палу добраться до медицинского центра.

Ковальски уже объяснил свое появление на Гавайях. Судя по всему, Пейнтер отслеживал перемещения Грея. При обычных обстоятельствах тому не понравилось бы, что с ним нянчатся, но сейчас жаловаться не приходилось.

– Ты просто не можешь не влезть в какое-нибудь дерьмо, да? – спросил Ковальски.

Великан снял гидрокостюм. Теперь на нем были ботинки, бриджи до колена и цветастая рубашка.

– Собирался на ужин в «Фор сизонс», и тут мне звонят и говорят, что нужно спасать твою задницу...

Похоже, Ковальски воспользовался заданием проследить за неразумным ребенком и организовал себе оплаченный отпуск на Гавайях, захватив свою девушку, доктора Марию Крендол, генетика из Джорджии. Когда-то в прошлом она помогла «Сигме». Вместе эта пара смотрелась странно. С другой стороны, Мария изучала неандертальцев – вот и получила одного из них...

– Хотя, может, оно и к лучшему, – продолжал Ковальски. – Мария тащила меня в какой-то сыроедческий ресторан... – Он покачал головой. – Вот скажи: какой смысл платить в заведении, где твою еду даже приготовить не могут? Бред!

– А мне кажется, ты отлично вписался бы.

– Ты на что намекаешь? – Ковальски нахмурился, почесывая низко нависающий лоб.

Ответить Грей не успел. Из кабинета вышли двое: Хани Палу и его командир Бенджамен Ренар.

Палу снял тяжелую куртку и остался в мешковатых желтых штанах на ярко-красных подтяжках. Гаваец похлопал Ковальски по плечу. Эти двое могли бы быть единоутробными братьями: одинакового роста, оба намного выше шести футов, оба с темными волосами, выбритыми почти налысо. Но у гавайца было более круглое лицо. И явно меньше шрамов.

А еще эти двое различались выражениями лиц, как небо и земля.

Палу не скупился на широкую улыбку даже в эту мрачную минуту, а Ковальски всегда хмурился, словно в любой момент ожидал худшего.

Ренар шагнул вперед и протянул Грею мобильный.

– Вам звонок от директора Кроу.

– Спасибо. – Взяв телефон, командер отошел в сторонку и поднес телефон к уху. Он совсем не удивился, что Пейнтер его выследил. – Какая у нас ситуация?

– Я-то надеялся услышать ответ от тебя... Напали не только на Мауи. Были атаки в Гонолулу и Хило.

Грей повернулся к стеклянным дверям, представив себе, как ядовитый рой кружит над основными городами двух островов.

– Кэт подозревает, что удар мог быть направлен на Лихуэ в округе Кауаи, но внезапный ливень и ветер увели рой к морю.

– Если так, откуда вы знаете, что город Лихуэ вообще был мишенью?

– На берег вынесло самолет «Сессна». Пилота не нашли.

– «ТТх»?

– Именно.

Пейнтер не стал договаривать то, что само собой подразумевалось. Грея удивляло, как легко он спустя девять месяцев отсутствия сразу настроился на одну волну с директором. А еще Пирс чувствовал, что директор что-то скрывает, и уже начал понимать, что именно.

– Какие-нибудь города на Мауи подверглись нападению? – спросил Грей.

– Только Хана.

Грей обдумал ответ. На Мауи были более крупные населенные пункты: к примеру, Кахулуи, где располагался международный аэропорт, туристическая зона в дальней части острова.

– Тогда почему они выбрали маленький городок?

– Хороший вопрос.

Перед глазами возникли три самолета, летящие к берегу, а один из них, посередине, нацелен прямо на красный песчаный пляж.

И вдруг Грей понял.

– Возможно, они пытались расправиться с нами.

Дуплетом.

– Мы рассматривали эту версию, – признался Пейнтер. – Если так, то кому-то известно, что вы там. Кому-то, кто знал, что вы конкретно на том пляже.

Мысленно Грей содрогнулся.

Если они узнают, что мы выжили...

Она там одна, совсем одна.

Сейхан...

Глава 8

6 мая, 21 час 33 минуты по гавайскому времени

Хана, остров Мауи

Сейхан наблюдала за чужаком с веранды. Перемахнув через забор, он крался к старому домику по садовой дорожке, двигаясь очень осторожно, держась в самой густой тени. Быстро, как молния, бросался вперед, а потом замирал. Хищник явно умел отслеживать добычу.

Весь вечер Сейхан ждала этого гостя. Чтобы не спугнуть его, она встала у двери и опустилась на одно колено.

Чужак скользнул было на ступеньки, но сразу попятился.

Иди же сюда!

Словно услышав ее мысли, темный силуэт выскользнул из укрытия и легким прыжком приземлился на дощатый пол веранды. В его тусклых глазах отражался слабый свет, льющийся из-за занавески кухонного окна. И эти глаза внимательно смотрели на Сейхан.

– Ты почти вовремя, – сказала она.

Ответом ей было грустное мяуканье.

Сейхан поставила на пол мисочку мелко нарезанного тунца.

Кошка взглянула на угощение и отвела взгляд. Вытянув длинные лапы и выпустив когти, она изображала равнодушие.

– Больше ничего не получишь.

Еще немного поколебавшись, кошка выгнула хвост и подкралась чуть ближе. Она обнюхала миску, потом ее содержимое и лишь потом начала есть – сперва осторожно, потом от всей души.

Сейхан отважилась протянуть руку и легонько почесать кошке голову одним пальцем. Не переставая есть, та тихо заворчала. Явно дикое животное. Но за эти три месяца Сейхан все больше и больше завоевывала ее доверие. Судя по набухшим соскам, где-то неподалеку был припрятан выводок котят.

Грей ругал Сейхан за то, что она прикармливает бродяжку, и рассказывал, как опасны одичавшие кошки для местной островной фауны: они, дескать, ставят под угрозу многие виды птиц.

Она его не слушала – слишком хорошо помнила, как жила на улице после побега из лаосского детского дома. Девочка была такой же дикой, как эта бродячая кошка, и выживала как могла. В конце концов, ее нашла Гильдия и взяла на обучение – оттачивать приобретенные на улице навыки, чтобы применять их для более опасных целей.

Не сводя с животного глаз, Сейхан думала о том, что хоть и свободна от Гильдии, однако полностью от прошлого не спрятаться. Вот она и кормила бродяжку, пытаясь скрыть от себя более глубокие мотивы.

Грею сейчас нелегко.

После смерти отца ему требовалось уйти от реального мира. Он взял на себя ответственность, избавив гордого человека от потери достоинства и лишних страданий. Но в глубине души Грей так и не примирился с этим. Сейхан часто подмечала, что он смотрит в пространство остановившимся взглядом, а ночью тревожно ворочается или просто встает с постели и уходит на веранду.

Кошка доедала ужин. Массируя руку, Сейхан пыталась разогнать остатки онемения. Хотя рука уже не горела, лоб по-прежнему сковывала тупая боль. Впрочем, это – последствия напряжения, а не действие яда.

Она смотрела на север, на источник своей тревоги.

Ну почему ты так долго?!

Грей звонил ей из медицинского центра в Хане, сообщил, что цел. С тех пор – ни единой весточки. Он велел ей не высовываться, потому что в городке творился сущий хаос. Скорее всего, Грей связался со штабом «Сигмы». Наверное, именно поэтому прибыл Джо Ковальски.

И все же она не могла расслабиться, ожидая новостей.

Недавно смолкло далекое эхо сирен в Хане, однако наступившая затем тишина лишь усиливала недобрые предчувствия.

Сейхан босиком прошла по веранде и прислонилась к балюстраде. Дерево скрипнуло. Присматривавший за домиком человек говорил, что его построили в середине сороковых, примерно во времена последних сахарных плантаций. На верхушке вулканической скалы приютилась крытая тростником ферма – деревянное сооружение на сваях, с мощными бамбуковыми подпорками. Вся мебель была изготовлена из местной акации коа. Старая патина почти сияла.

В полудреме последних нескольких недель Сейхан с Греем были единственными хозяевами окрестных земель. В этом уголке девственно чистых Гавайев почти не занимались земледелием, но ближе к дому между высокими пальмами разрослись папайи и бананы. В диких садах буйно цвели красный имбирь, желтая плюмерия и розовый гибискус. Блуждающий взгляд Сейхан остановился на качелях, свисающих с мангового дерева. Они с Греем провели много часов, сидя на этой доске, углубившись в свои мысли и наблюдая за тем, как закатные тени превращаются в ночные.

Сейхан глубоко вдохнула ароматный ночной воздух.

Это место напоминало ей родную деревеньку во Вьетнаме. Здесь были другие джунгли, но такое же ощущение, что время остановилось, и такое же единение с природой, как в детстве. Она сжала в руке подвеску в виде дракона – подарок, который сделала мать, прежде чем исчезнуть из ее жизни. Сейхан тогда любили, и любовь, наполняя лачугу, превращала ее в волшебные чертоги.

Может быть, именно поэтому домик на Гавайях стал настоящим домом.

Здесь, на качелях, переплетались их с Греем пальцы.

Он сделал это место домом.

Сейхан вновь прошла по веранде, не в силах подавить тревогу и ощущение, что все непременно разрушится. Она сомневалась не в его любви, а в своей способности принимать ее. Месяцы в дороге прошли потрясающе, Сейхан и представить себе не могла, что с кем-то может быть настолько хорошо. И в то же время путешествие было словно сон, от которого она наконец проснулась.

И что теперь?

Сможет ли это чувство выстоять под давлением жестокого мира? И должно ли?

Урчание кошки вернуло Сейхан к реальности.

– Тихо. Больше ничего не получишь...

Кошка села спиной к миске, уставившись в пальмовый лес. Рычание замерло глубоко в горле и сменилось тихим вздохом. Животное припало к полу.

Сейхан тоже пригнулась, уходя от света из кухонного окна.

Я тут не одна.

21 час 38 минут

Грей в третий раз набрал номер. Засев в офисе медицинского центра, он пытался дозвониться до Сейхан по городскому телефону. Домик находился так далеко, что мобильного покрытия там не было.

Сигнал соединения, а затем мертвая тишина. Местные линии, наверное, уже не справлялись с потоком звонков в «скорую помощь».

Грей бросил трубку. Он ругал себя, что оставил спутниковый телефон в Вашингтоне. С другой стороны, это была собственность «Сигмы», а Пирс тогда хотел скрыться и боялся, что с помощью телефона его выследят.

Можно подумать, мне это помогло спрятаться...

Понимая, что дозвониться не удастся, он вышел в вестибюль. Ковальски стоял, привалившись к стене, в уголке рта – огрызок сигары. Сидевшая за столом грузная медсестра сверлила его взглядом – мол, попробуй только закурить.

Грей прервал этот немой поединок.

– Не могу дозвониться. Постараюсь добежать до мотоцикла и поеду к ней.

– Зря ты переживаешь, – проворчал Ковальски. – Даже если у нее проблемы, ни капли не сомневаюсь, что она сама прекрасно справится.

Грей знал, что в целом это правда, но не хотел полагаться на случай. Если нападение действительно было направлено на них с Сейхан, он хотел быть рядом с ней, отражая следующий удар.

– Потусуйся здесь, а я проверю, всё ли в порядке. – У главного входа замаячил знакомый широкоплечий силуэт. – Палу, у кого-нибудь из твоих ребят найдется одежда на мой рост?

Гаваец сразу его понял.

– Хочешь снова выйти?

– Боюсь, моя подруга в беде.

– Тогда я с тобой.

– Спасибо, но на моем мотоцикле тебе места не хватит.

– А кто сказал, что мы едем на твоём маленьком мотоциклике? – Палу вскинул руку, и на пальце блеснула связка ключей. – У меня есть стальной конь получше.

Великан-гаваец кивнул на припаркованный в нескольких ярдах от входа ярко-желтый внедорожник, явно принадлежавший шефу. Впрочем, тот был занят – давал интервью.

– К тому же я тут все объездные дороги знаю. Домчу в два счета.

Предложение пришлось кстати.

– Едем, – кивнул Грей и вздрогнул: за спиной послышалось какое-то ворчание.

Их догнал Ковальски, двигаясь удивительно проворно для своих габаритов.

– Если он едет, то я тоже.

– Больше народу – веселее, – пожал плечами Палу.

– Хорошо, – махнул рукой Грей. – Поедем все вместе.

Ковальски задержался, чтобы раскурить сигару, сверля взглядом медсестру. А потом они выбежали в стеклянные двери и промчались сквозь облако, поднимающееся от поставленной у входа печи для барбекю. Едкий дым должен был отпугивать роившихся рядом ос.

В небе поблескивали звезды. Основная часть роя отправилась в густой тропический лес на северо-восточном склоне горы Халеакала. Этот спящий вулкан занимал почти всю территорию острова. Непосредственная опасность миновала, но Грей чувствовал, что показалась лишь верхушка пресловутого айсберга.

Сели в автомобиль Ренара – внедорожник «Форд» с сиренами и мигалкой. Палу за руль, Грей рядом, а Ковальски развалился на заднем сиденье.

Заурчал двигатель, и они тронулись.

Совсем рядом Грей услышал знакомое жужжание. Втянув голову в плечи, он оглянулся: в окно пролезла большая оса.

Ковальски спокойно вынул изо рта сигару и ткнул тлеющим кончиком в насекомое.

Послышались шипение и хлопок – тельце взорвалось. Великан снова поднес сигару к губам.

Грей откинулся на сиденье.

«Что ж, этот парень нам пригодится».

21 час 44 минуты

Припав к земле, Сейхан смотрела вслед черной кошке. Та метнулась вниз по ступенькам и исчезла в цветущих зарослях. Сама она так легко сбежать не могла. По крайней мере, пока. Следовало иметь в виду, что кто бы за ней ни пришел, дом наверняка окружен.

«Тень или пламя?» – подумала она, прикидывая свои возможности.

Гильдия заставила ее твердо усвоить: когда тебя загоняют в угол, есть два варианта. «Тень» – ведешь себя тихо, используя хитрые уловки, чтобы вырваться из западни. «Огонь» – разжигаешь свой адреналин, чтобы открыто броситься в бой и силой прорвать окружение.

К сожалению, Сейхан не могла выстрелами расчистить себе дорогу. Они с Греем путешествовали из страны в страну, как перекасти-поле, и не возили с собой оружия. Пересекая границы в качестве гражданских лиц, никак не могли обойти таможенное законодательство. И нигде не задерживались подолгу, а значит, не видели нужды искать оружие на черном рынке.

И все же совсем безоружной Сейхан не осталась. У нее был набор кинжалов и метательных ножей, а еще прекрасно наточенный китайский кухонный секач, обернутый кожей. Лишь один раз ее коллекция вызвала вопросы на таможне. Сейхан сказала, что она – повар-путешественница, и продемонстрировала фальшивый диплом кулинарной школы «Кордон Блэ».

К несчастью, ножи сейчас лежали в спальне на другой стороне дома. Оставалось следовать путем «тени».

На принятие решения ей потребовалась секунда. В следующую секунду она уже действовала.

Глава 9

6 мая, 21 час 45 минут по гавайскому времени

Хана, остров Мауи

– Кому-нибудь удалось ее засечь?

Стоя на скале над бьющимися волнами, Масахиро Ито слушал донесения своих людей, занявших позиции вокруг крытого тростником домика. Ударная группа прибыла четверть часа назад на надувной лодке. Причалив, бойцы бесшумно вскарабкались на скалы в пятидесяти ярдах к северу от цели, чтобы остаться неслышными и невидимыми.

Масахиро мысленно осыпал проклятиями того, кто спугнул мишень. Он приказал, чтобы остальные не показывались и ждали возвращения американца. Дед хотел, чтобы сегодня ночью казнили обоих.

Но ситуация изменилась. Мишень – азиатка-полукровка, предательница «Кагэ» – скрылась как раз в тот момент, когда группа заняла позицию. Она вроде бы кормила кошку, а затем просто исчезла с веранды. Оправившись от изумления, нападавшие поняли, что ждать больше нельзя: женщину следовало предать смерти до того, как она сообщит о засаде своему приспешнику.

– Нет, чунин Ито, – доложил по рации старший помощник. – Никто ее не видел.

Масахиро стиснул зубы.

Все пятеро его людей были бывшими убийцами из «Кагэ», завербованными дедом после разгрома организации. Мало кто из Эшелона – высшего уровня управления «Кагэ» – избежал чистки. Насколько Масахиро знал, лишь его дед остался незамеченным.

Кто мог обратить внимание на девяностолетнего старика?

Это была ошибка.

Во время падения «Кагэ» Масахиро защитил дед. Но он не прятал внука, а выдвинул. Масахиро стал руководителем отдела исследований и разработок в «Фениксу лабораториз», компании, основанной его дедом несколько десятилетий назад. И даже вошел в совет директоров.

Дед дал ему и еще одно задание, неизвестное правлению: тайно собрать генинов, или низших членов «Кагэ», рассеявшихся после падения организации, взять их под крыло и создать менее многочисленную, но более смертоносную силу.

Под руководством деда он создал эту новую группу по образу и подобию синоби, тайных воинов феодальной Японии, которые стали в конце концов известны как ниндзя. Его дед Такаси придерживался старинных обычаев тех времен, когда Япония была на вершине славы. Несмотря на преклонный возраст, Такаси стал новым джонином, или лидером группы. Масахиро получил звание чунина, или «среднего». Ему непосредственно подчинялись все генины.

У Масахиро за спиной был традиционный меч – катана, а на поясе – стальной серп с прикрепленным к нему цепью грузиком. К старинному оружию синоби Масахиро добавил современное снаряжение. Он и остальные носили темно-зеленый камуфляж, а под ним – легкие кевларовые доспехи. Оружием служили японские автоматические пистолеты «Минебеа РМ-9» с глушителями и прицелами ночного видения. В то же время каждый член группы носил тэну-гуи – отрез ткани, используемый в качестве маски, но способный служить также поясом или даже веревкой, когда нужно было вскарабкаться на небольшую высоту.

Масахиро поднял свою маску выше, почти до самых глаз.

Где же эта женщина?

Он злился, понимая, что дальше ждать нельзя.

– Заходим в дом, – приказал Масахиро. – Огонь на поражение.

21 час 47 минут

Сейхан припала к стволу столетнего мангового дерева. Крона раскинулась на тридцать футов в ширину, отбрасывая густую тень. Женщина босиком балансировала на ветке не толще собственного бедра.

Несколько мгновений назад она стремглав перемахнула через старые деревянные перила. Предполагая, что противник мог запастись инфракрасными прицелами ночного видения, перекатилась под крыльцо меж свай, на которых стояло здание, а затем бросилась в самые густые заросли, низко пригибаясь к земле, и вскарабкалась на дерево.

Она ожидала, что следить будут либо за домом, либо за прилегающей территорией.

Только бы не смотрели вверх.

Сейхан замерла; двигались только ее ноздри, вдыхая и выдыхая. А затем она услышала шорох сухих листьев. Более темная тень проскользнула под широкую беседку из ветвей. Выжидая момента, Сейхан осмотрелась: никого.

Она прикинула позиции захватчиков и количество людей, необходимое, чтобы окружить дом. По ее подсчетам выходило, что здесь от пяти до семи человек.

Не самый оптимистичный расклад, но в прошлом она справлялась и в худшей ситуации.

Впрочем, тогда у нее было оружие посильнее мангового дерева.

И это сойдет.

Она бросила влево спелый плод.

Силуэт внизу шевельнулся. Сейхан взялась за веревку – здесь висели старые качели, где они с Греем провели много праздных часов, – и аккуратно спрыгнула, набросив в полете петлю на шею мужчины и приземлившись обеими ногами на сиденье качелей. Под ее весом веревка туго затянулась на шее жертвы. Все еще балансируя на доске, она схватила голову мужчины и завершила то, что не удалось веревке.

Позвонки сломались, конечности обмякли.

Сейхан соскочила на землю и забрала оружие.

С тенью можно попрощаться.

Она вскинула автомат на плечо.

Пришло время огня.

21 час 52 минуты

Масахиро услышал череду выстрелов возле домика. Значит, операция идет полным ходом. Он сошел со своего наблюдательного пункта на вершине скалы. Группа, наверное, выгнала женщину из укрытия.

Теперь это вопрос времени...

Он сделал еще два вдоха, вслушиваясь, как ночь затихает. Позади мягко шептались волны. А затем вновь послышалась череда залпов, только с новой точки, ближе к нему.

Вспыхнула искорка подозрения. Масахиро присел и коснулся микрофона, скрытого в складках тэнугуи возле губ.

– Ситуация?

Сердце колотилось. Что-то не так.

Еще один резкий выстрел лишь подтвердил это ощущение.

Отозвался Джиро, его правая рука:

– У нее есть оружие. Она вывела из строя троих.

Новые выстрелы прервали разговор, послышался резкий крик.

Уже четверых...

Джиро снова заговорил, теперь уже тише:

– Чунин Ито, вам лучше отступить к лодке.

Прежде чем Масахиро успел отказаться, по радио прозвучал новый голос, чувственный и спокойный.

– Или можешь подождать меня, – сказала женщина на безупречном японском.

Он сжал оружие. Значит, враг отобрал у товарища по команде не только пистолет...

– Или ты *кошинкуе*? – поддразнила она его.

Масахиро ошетинился. Трусом он не был, но в то же время понимал, что она побуждает его действовать опрометчиво. Ито глубоко вдохнул и спокойно сказал.

– Я буду ждать тебя возле лодки, генин Джиро.

– Понял. Я найду ее.

– Тогда поиграем, – насмешливо фыркнули в ответ.

21 час 56 минут

Когда разговор закончился, Сейхан стояла спиной к пальме, закрыв глаза и прижимая к губам усик захваченной рации. Откуда-то слева донеслись слова Джиро, звучавшие словно шепот.

Ее действия не смогли напугать противника, но ей удалось больше узнать о боевиках, рассеянных по лесу. Она уже поняла, что группа прибыла на лодке, причалившей, вероятно, где-то к северу от домика. Берега к югу были слишком скалистыми, и там бушевал прибой.

Сейхан взвесила шансы быстро добраться до лодки. Эффект неожиданности и знание местности помогли ей победить четырех мужчин. Но последний, преграждавший ей путь – тот, которого звали Джиро, – будет осторожнее. Что ж, раз главаря перехватить не удастся, надо бросить все силы на то, чтобы взять живым этого Джиро.

Он у меня заговорит.

Сейхан двинулась влево, не задевая ни единой ветки. Иногда останавливалась, чтобы заглянуть в прицел ночного видения; тогда окрестности окрашивались в темную палитру серого. Слух напрягался от каждого поскрипывания, шороха и щелчка.

Сейхан заранее изучила эти заросли. Так она поступала всегда, оказавшись в новом месте. И знала каждый куст, дерево и камень. Поэтому сразу все поняла, заметив что-то черное и неподвижное среди зарослей папайи в сорока ярдах слева.

Опустившись на одно колено за кустом гибискуса, она прицелилась и дважды выстрелила в середину тела – не в голову.

Пули, пройдя сквозь камуфляжную ткань, перевернули мишень: переплетение ветвей.

Приманка.

Сдержав проклятие, Сейхан прыгнула вправо. И тут же ближайший куст гибискуса вывернуло из земли автоматными выстрелами. Сейхан упала на бок, перекатилась и вскочила, продолжая стрелять вслепую. Попасть не надеялась, хотела лишь отогнать врага.

Она сжала зубы. Недооценила! Нельзя и думать захватить дьявольски хитрого убийцу живым. При столкновении с таким противником оставалось лишь одно.

Убить или быть убитым.

Обежав вулканическую скалу, Сейхан обнаружила, что ее ожидают. Она угодила в ловушку, ее специально сюда заманили. Этот человек – не Джиро, а его командир.

Ублюдок все-таки не вернулся к лодке.

Она представила себе улыбку, промелькнувшую под маской в момент выстрела.

22 часа 02 минуты

Убивая, Масахиро всегда чувствовал наслаждение.

К сожалению, в этот раз он радовался преждевременно. Выбежав из-за скалы, женщина еще была в движении. И использовала инерцию, чтобы повернуться боком и вскинуть руки.

Силуэт стал уже. Первая пуля прошла мимо ее живота, достаточно близко, чтобы разорвать рубашку.

Прежде чем японец успел прицелиться как следует, Сейхан ударила его по запястью рукояткой пистолета. Вспыхнула боль, и он выронил оружие.

К счастью, удар выбил оружие и из рук женщины.

Долю секунды они смотрели друг на друга, затем одновременно пришли в движение.

Женщина попыталась нанести удар ногой, в то же время наклоняясь, чтобы поднять пистолет. Масахиро отскочил, увернувшись, и выхватил из-за спины катану.

Она подняла пистолет, а он обнажил короткий меч. Лезвие свистнуло у самого ее лица.

Он не ранил ее, но все же сумел навредить.

Следуя обычаю синоби, Масахиро наполнил ножны специальной смесью. Раньше воины использовали перемолотый в пыль красный перец; Ито обновил формулу, добавив порошок из чили и высушенного отбеливателя.

Эффект был мгновенным.

Когда пыль ударила по глазам, Сейхан ахнула, рефлекторно втягивая порошок глубоко в нос и легкие. Отступая, она выстрелила вслепую, захлебываясь кашлем и спотыкаясь.

Масахиро укрылся за скалой и подождал, пока ее магазин опустеет. Когда выстрелы стихли, он достал пистолет, готовясь прикончить жертву.

В нескольких ярдах от него из леса кто-то выскочил.

Джиро.

Масахиро указал на женщину, и они вместе бросились за ней, одержимые жадой убийства.

Она ослепла и задыхалась. Надежды спастись не было.

22 часа 04 минуты

Сейхан бежала, вытянув руки перед собой. По щекам катились слезы. Каждый вдох опалял легкие. В глазницы словно вставили два раскаленных угля.

Ударившись плечом о дерево, она едва не повалилась на бок, но устояла на ногах. За спиной слышались шаги преследователей и треск веток.

Сквозь боль и слезы Сейхан отчаянно всматривалась в размытое сияние впереди. Освещенное окно домика – маяк в ночи. Нужно выиграть время, чтобы успеть в укрытие и взять ножи. И, может быть, мазь для глаз.

Выбора нет.

Ее царапали шипы и ветки. Осколки вулканической породы впивались в подошвы босых ног. И все же она старалась бежать еще быстрее, ведь ее настигали.

Каждую секунду Сейхан ожидала выстрела в спину.

Наконец, открытое пространство. Тело больше не путалось в кустах и ветвях. Должно быть, она выбежала из леса и оказалась в саду возле домика.

Свет из кухонного окна ударил по воспаленным глазам ярко, словно солнце.

Так близко...

И тут мир озарило взрывом.

Справа вспыхнули две сверхновые звезды и помчались прямо на нее, обогнув домик. Ослепленная, она замерла, словно олень в свете фар. Фары...

Голос прозвучал совсем близко:

– Сейхан, ложись!

Она повиновалась, веря человеку, владевшему ее сердцем. Сверхновые метнулись вверх и мимо. Порванная рубашка взвилась от вихря, когда мимо пронеслась большая машина. Накатила волна выхлопных газов.

Позади слышалась стрельба. Затем – тяжелый удар металла о плоть.

Сейхан лежала на месте, не в силах пошевелиться от боли и усталости. Хлопнула дверца автомобиля, затем рядом с ней упали на колени.

– Ты в порядке? – спросил Грей.

– Теперь – да. – Она со стоном перекатилась. – Ты... ты обоих пристрелил?

– Одного. В последний момент ему удалось оттолкнуть второго парня в сторону.

Она поняла, что произошло. Джиро пожертвовал собой, чтобы спасти командира.

– Ковальски пошел было за этим ублюдком, но тот исчез в темноте. И вряд ли вернется.

Сейхан посмотрела на лес.

По крайней мере, пока.

22 часа 12 минут

Масахиро на надувной лодке отчалил от берега и обогнул вулканический полуостров так, чтобы между ним и домиком оказалась скала. Он уже вызвал гидросамолет и готовился прорваться с этими островами.

Глядя на берег, Ито вздохнул.

Биологическая атака прошла по плану. Единственное исключение – Кауаи, где операция сорвалась из-за погоды. На остальных островах процесс был запущен, и ничто не могло его остановить.

Масахиро вышел в открытое море.

Несмотря на успех, он умирал от стыда.

Он потерпел неудачу с делом мести деда. Два человека, больше всего потрудившихся для уничтожения «Кагэ», остались в живых.

По моей вине.

Тем не менее он намеревался не повторять неудачу, а извлечь из нее опыт.

Пока же следовало довольствоваться тем, что эти острова сгорят. И огню их предадут сами американцы.

У них не останется выбора.

Этого потребует весь мир, как только станет известна истина.

Масахиро улыбнулся под складками своего тэнугуи.

До тех пор терпеть страдания – героизм.

Часть вторая

Чрезвычайная ситуация

Глава 10

7 мая, 15 часов 05 минут по восточному летнему времени

Вашингтон, округ Колумбия

Прошло двенадцать часов после нападения на Гавайи. Кэт Брайант беспокойно расхаживала по штабу «Сигмы», грея руки о высокий стаканчик из «Старбакс». За всю ночь она лишь ненадолго сомкнула глаза.

Обычная ситуация для этой работы.

В большом круглом помещении за компьютерами сидели технические специалисты. На их лица падали отсветы мониторов. Штаб служил цифровыми глазами и ушами «Сигмы». Здесь отфильтровывали данные разных разведывательных служб, как внутренних, так и зарубежных. Кэт была хозяйкой этого места, паучихой в цифровой сети.

Услышав шаги, она взглянула на дверь, ведущую в вестибюль.

Торопливо вошел Пейнтер, только что вернувшийся со встречи с генералом Меткалфом из Управления.

– Что нового? – спросил он.

– Список жертв пополнился.

Кроу поморщился, явно пытаясь собраться с духом.

– Все очень плохо?

Кэт взяла планшет.

– На островах пятьдесят четыре человека погибли и более тысячи госпитализированы. Состояния разной степени тяжести, поэтому умерших явно станет больше.

– И неизвестно, сколько еще людей будут искусаны до смерти в ближайшие дни, если рой останется на островах, – Пейнтер покачал головой.

– Следует ожидать хаоса. Особенно учитывая, что у местных служб спасения не разработан план действий для таких случаев. Пока что идет отчаянный поиск вариантов.

– Кто-нибудь взял на себя ответственность за атаки?

– Пока нет. Думаю, что наши обычные подозреваемые тут же ухватятся за катастрофу, чтобы приписать «славу» себе.

И это лишь усложнит расследование.

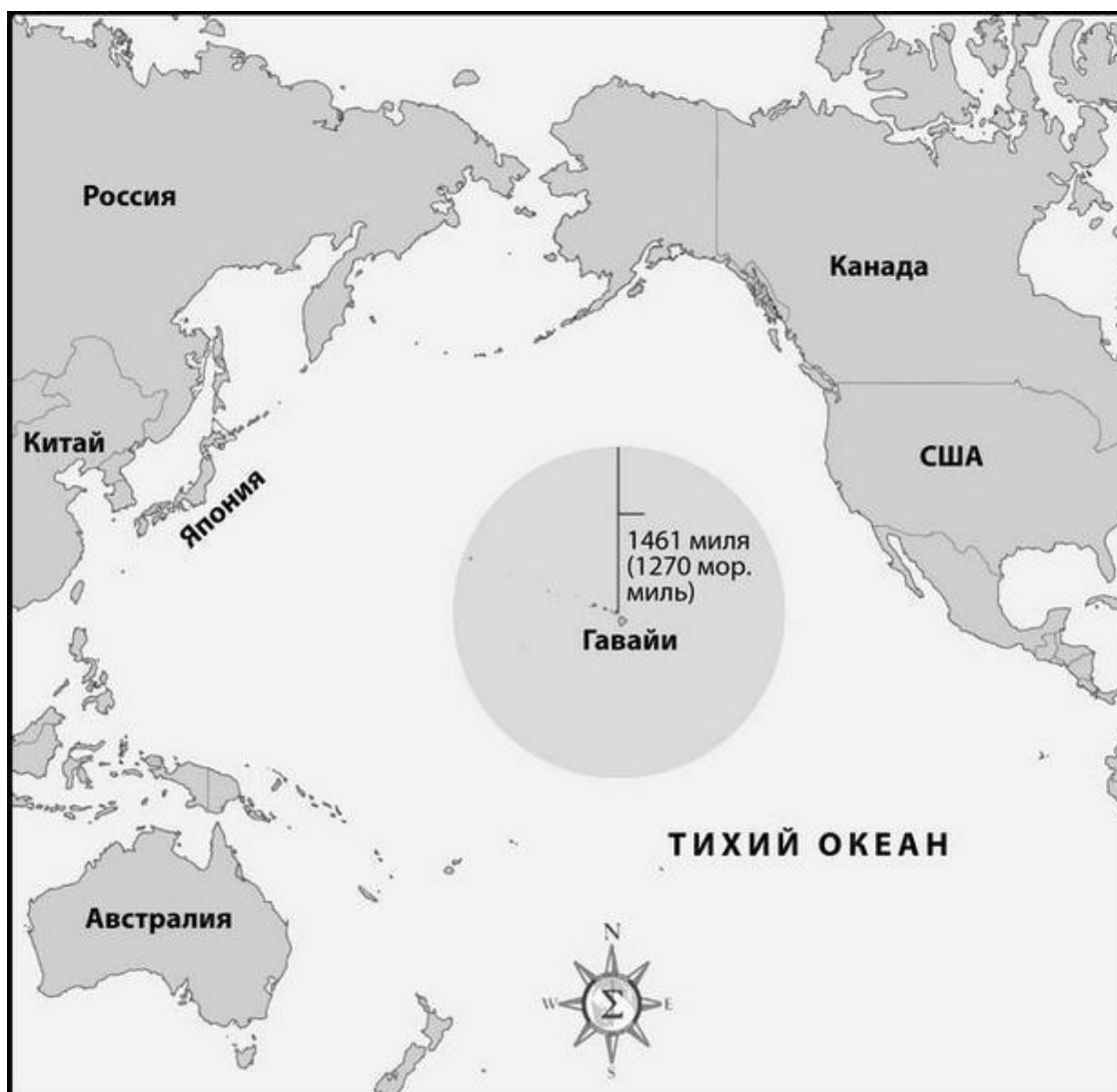
– Что показала экспертиза самолетов? – спросил Пейнтер.

– Все – беспилотники. И все – по крайней мере те, что не сгорели дотла, – числятся в угоне в разных уголках планеты.

– Значит, кто-то долго планировал удар...

– Похоже на то.

Кэт поставила стаканчик и вывела на монитор карту тихоокеанского региона. Береговую линию Гавайских островов и большой кусок близлежащих вод окружало полупрозрачное красное кольцо.

– Максимальная дальность полета для «ТТх» – всего тринадцать тысяч морских миль. – Она указала на круг. – Следовательно, их запустили где-то здесь.

Пейнтер придвинулся к карте.

– Или дальше, а по дороге дозаправили.

Кэт недоуменно вскинула брови.

– Думаю, эскадрилья беспилотников привлекла бы внимание... Нет, бьюсь об заклад, что база поблизости, – продолжала она, снова обернувшись к монитору.

– Зона большая...

– Почти семь миллионов квадратных миль. Вдвое больше, чем площадь сорока восьми штатов, которые находятся южнее нас.

Пейнтер нахмурился.

– В этом регионе сотни островов.

– Тысячи, если считать атоллы и отмели. Конечно, поиск следует ограничить точками, достаточно крупными, чтобы на них поместился самолет. И все равно таких мест остается очень много. – Кэт вздохнула.

– Гавайские радары дают ориентир?

– Увы, нет. Зона их действия – около двух сотен миль от берега. И когда самолеты входят в эту зону, невозможно вычислить, откуда они шли.

Один из технарей заерзал на стуле, поглядывая на Кэт и не решаясь перебивать.

– Что у вас? – спросила она.

– Вам звонят по защищенной линии.

– Кто?

– Он представился профессором Кеном Мацуи. Утверждает, что вы хотели с ним связаться.

– Токсиколог из Корнеллского университета, – вспомнила Кэт, оглянувшись на Пейнтера. – Тот, который направлял запрос доктору Беннету в Национальный зоопарк.

– Призрак? – Кроу вопросительно взглянул на нее.

– Похоже, восстал из мертвых.

Накануне она подготовила досье на ученого. Судя по отчету, полученному из Бразилии, профессор, а также его аспирант и двое местных жителей пропали без вести. Считалось, что они погибли во время шторма.

– Перенаправьте звонок в мой кабинет, – распорядилась Кэт.

Она взяла стаканчик с кофе и провела Пейнтера в соседнюю комнату. Ее кабинет был по-спартански рациональным, как и сама она; из личных вещей в глаза бросались только фотографии двух дочерей, Пенелопы и Харриет. А самое ценное фото изображало мужа, Монка, с двумя детишками на коленях. Коренастый мужчина, позируя, сделал вид, что изнывает под тяжестью девчушек пяти и семи лет. Но, глядя на его мускулистые руки и широкую грудь, обрисованную спецназовской рубашкой, любой понял бы, что он способен хоть жонглировать этими девчушками, если потребуется, – а требовалось это довольно часто, учитывая их неистовый характер.

Монк отвез девочек в лагерь в Катскиллских горах. Кэт планировала присоединиться к ним, но чрезвычайная ситуация заставила ее остаться в Вашингтоне.

Может быть, в цифровой паутине я вовсе не паук, а муха...

Тем не менее она знала, что Монк отлично позаботится о Пенни и Харриет.

Хотя Кэт было больно в этом признаваться, ему в последнее время все чаще приходилось ее подменять. Причем с радостью. В душе она немного завидовала сбежавшим Грею и Сейхан. Ей тоже следовало бы выкроить время для Монка, для семьи...

Вот только как откажешься от дозы адреналина.

Кэт отхлебнула кофе.

Или кофеина...

– Я перевел звонок на вторую линию, – доложил инженер по внутреннему переговорному устройству.

Поставив стаканчик, Кэт включила громкую связь.

– Профессор Мацуи, спасибо, что перезвонили.

– У меня мало времени. Что вас интересует?

Несмотря на плохую международную связь, Кэт уловила в его голосе явное подозрение. Она оглянулась на Пейнтера, а тот махнул рукой: мол, действуй по ситуации.

Брайант не стала упоминать о том, что профессора считали погибшим, и продолжила:

– Нам посоветовал обратиться к вам энтомолог, работающий здесь, в Вашингтоне. Вы связывались с ним по поводу одного необычного вида ос.

Долгое молчание. На заднем фоне слышался какой-то шепот, как будто профессор с кем-то советовался.

Кэт переглянулась с Пейнтером.

Что там происходит?

– Да, – ответил наконец Мацуи, – но, думаю, все мы понимаем, что опоздали.

– О чем вы?

– Одокуро уже выпустили на волю.

– Одокуро?

– Так я назвал этот вид *Hymenoptera*. В честь японского демона. Можете мне поверить, наименование вполне подходящее. Я изучаю этот вид уже два месяца. Невероятный жизненный цикл!

– Постойте, вы его изучаете? Где, в Киото? – Кэт помнила, что профессор в качестве контактного адреса указал исследовательский центр японской фармацевтической компании.

– Я уже не в Киото.

– А где же?

– Лечу на Гавайи на корпоративном самолете компании «Танака». Посадка примерно через час.

– Зачем вы туда летите?

– Увидеть своими глазами процесс колонизации. Лишь так я смогу определить...

– Что определить? – спросила Кэт, а по спине пополз холодок.

– Придется ли вам сжечь острова дотла.

09 часов 28 минут по гавайскому времени

Самолет, летящий над северной частью Тихого океана

Кен Мацуи смотрел в иллюминатор корпоративного «Хонда Джет 420», ожидая, пока уляжется шок, вызванный его словами.

Два расположенных над крыльями двигателя гнали самолет к месту назначения – в Гонолулу. Это был самый быстрый реактивный самолет в своем классе, но пришлось заправляться на атолле Мидуэй. Во время недолгой задержки Кен беспокойно расхаживал по четырехместному салону.

Зря согласился молчать.

Он посмотрел на стройную женскую фигуру. Айко Хигаши утверждала, что работает на Агентство общественной безопасности Японии, но Кен подозревал, что за этой женщиной стоит нечто большее.

Держалась она как человек с военной подготовкой. Короткая стрижка прикрывала лоб и шею. Складки темно-синего костюма были жесткими, как линия ее губ. И за последние месяцы, пока за ним тенью следовала Айко, суровое выражение редко сходило с ее лица.

Наконец, Кэтрин Брайант вернулась к разговору. Что касается американки, Мацуи тоже сомневался, что она всего лишь сотрудница Управления. Особенно, когда Брайант попросила с ней связаться. Он хотел проигнорировать запрос, но Айко настояла на том, чтобы он перезвонил. И вот сейчас она слушала разговор, легонько подавшись вперед.

– Почему вы думаете, что потребуются столь радикальные меры? – спросила Брайант.

– Потому что я своими глазами видел, на что способен Одокуро.

– Где? Как?

Кен посмотрел на Айко. Та едва заметно кивнула. Она уже говорила, чтобы он был откровенен с Брайант, как будто знала собеседницу и доверяла ей достаточно, чтобы поделиться информацией.

А вот Кен не знал, кому доверять. Родители внушили ему здоровое недоверие к правительству – они из собственного опыта усвоили, как легко власть может сожрать или раздавить. Отец рассказывал о суровых, бесчеловечных условиях в расположенных за колючей проволокой лагерях для интернированных. Он попал туда в детстве. Лагерь находился в идиллических предгорьях Сьерра-Невады, неподалеку от городка Индепенденс². Это название казалось отцу издевательством.

А его мать-немка многое пережила в своей родной стране во время войны. И именно она учила Кена подвергать сомнению авторитеты и быть на стороне угнетенных.

² Независимость (англ.).

И все же он понимал, что такую историю следует рассказать.
Особенно сейчас.

– Два месяца назад... – начал Кен.

И запнулся.

Неужели прошло так мало времени?... Вспомнилась широкая улыбка аспиранта Оскара. И снова зазвучали выстрелы. Кен закрыл глаза, пытаясь отвлечься от боли и ужаса.

– Два месяца назад... – напомнила Брайант.

Он сглотнул, а затем с трудом начал рассказывать, что произошло на Кеймада-Гранди, в проклятом месте, которое старший лейтенант Рамон Диас называл Змеиным островом. Излагая события, Кен заговорил быстрее: вернулась лихорадочная паника. Он описал трупы: тела браконьеров и клубки мертвых змей, а потом удар с воздуха.

– Остров забросали бомбами с зажигательной смесью, сожгли дотла. Но я спасся... И кое-что прихватил с собой. Экземпляр одной из змей. В темноте я пробрался к берегу, потом доплыл до бразильской деревеньки. Я боялся, как бы кто не узнал, что я выжил...

– Вас бы сразу убили, – спокойно промолвила собеседница.

Как ни странно, Кену стало легче, когда подозрение подтвердилось. Он понимал, что стыд и сожаления в значительной мере связаны не с гибелью Оскара, а с его собственным молчанием. Мучительный узел ослаб – совсем чуть-чуть.

– Я знал, что должен сохранить образец, вывезенный с острова. Должен понять, что там произошло. Поэтому связался с коллегой из «Танаки». С человеком, которому доверял. Лишь толстый кошелек корпорации мог вытащить меня из Бразилии, а потом переправить в безопасное место, причем быстро, пока никто не успел узнать, что я жив.

– «Танака» обеспечила вас фальшивыми документами?

Кен взглянул на Айко. Та кивнула. Он все больше убеждался, что обе эти женщины – не те, за кого себя выдают.

– Да. В Киото я закрылся в лаборатории, чтобы изучить свою находку. Оказалось, что тело змеи набито личинками. Это была ранняя возрастная стадия нового вида.

– Возрастная стадия?

– Этап развития насекомого, – пояснил Кен. – Личинки пожирали тело змеи изнутри.

Он вспомнил, как трясся от отвращения, когда вскрыл тело змеи в изолированной лаборатории. Из разреза потоком хлынули белые личинки. Но самым страшным было не это...

– Вернемся к острову, – подсказала Брайант. – Насколько я понимаю, это уединенное место было испытательным полигоном для тех, кто нанес удар по Гавайям.

– Наверное, вы правы, хотя я и представить себе не мог такой ужасный план. Я думал, что на острове просто какая-то секретная лаборатория, где произошла некая катастрофа, а потом они уничтожили следы, зачистив территорию.

– А вы туда попали случайно?

– Сначала я думал, что да.

Тогда совпадение не привлекло его внимания. Просто он оказался в неудачное время в неудачном месте.

Или я просто хотел себя успокоить?

– Теперь вы сомневаетесь?

Кен помолчал, раздумывая. Да, со временем у него появились подозрения. Им завладела одиночество и страх, особенно в чужой стране. Чувствуя, что попал в ловушку, он отважился написать коллеге, энтомологу из Смитсоновского национального зоопарка, и спросить, известно ли что-нибудь об этом виде. Выяснить ничего не удалось, но он хотя бы попытался.

– Вы сказали, что фармацевтическая компания «Танака» покрыла основную часть исследования своими грантами. А на остров за образцами яда вас тоже отправила компания?

– Да, – неуверенно сказал Мацуи и обернулся к Айко.

У той на лице не дрогнул ни один мускул.

– Или в компанию «Танака», – произнесла Брайант, – просочилась информация о том, что конкурент проводит на острове исследования. И вас отправили на разведку.

Женщина словно читала его собственные параноидальные мысли. Он ни с кем ими не делился, но сам часто думал, не оказался ли на том острове в качестве пешки в шпионских играх корпораций. Бизнес в Японии – дело кровавое, часто многое решается за кулисами. Может, кто-то в «Танаке» прослышал об экспериментах на Кеймада-Гранди?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.